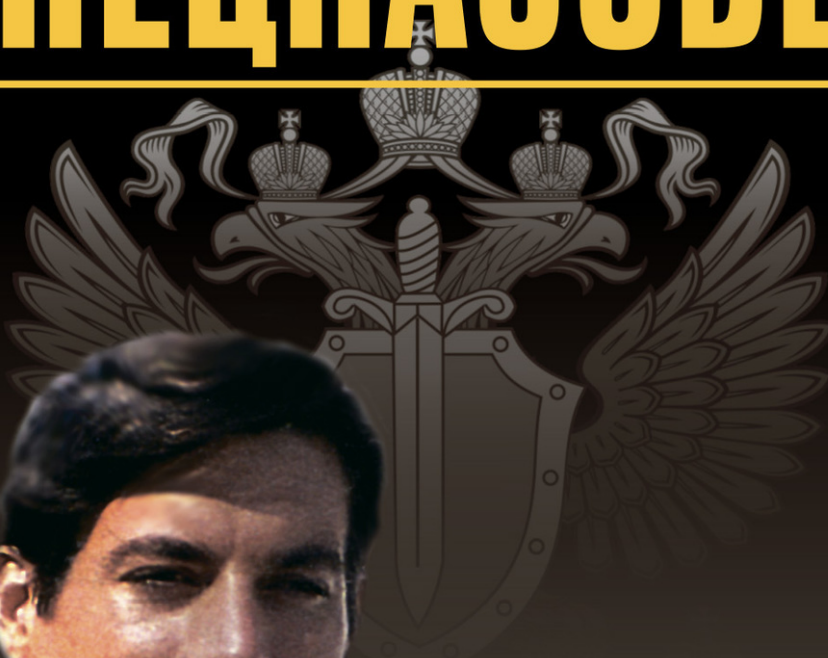

Андрей ВОРОНИН

СПЕЦНАЗОВЕЦ

**СОШЕСТВИЕ
В АД**

Спецназовец

Андрей Воронин

Спецназовец. Сошествие в ад

«ХАРВЕСТ»

2012

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Спецназовец. Сошествие в ад / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2012 — (Спецназовец)

ISBN 978-985-18-1438-7

Чтобы избежать грозящей ему смертельной опасности, бывший спецназовец Юрий Якушев решает уехать на время из Москвы в Грузию, где живет и работает школьным учителем его хороший друг и бывший сослуживец Алексей Сазонов. И попадает из огня да в полымя, невольно перейдя дорогу не только местным бандитам, но и влиятельному и богатому кремлевскому чиновнику...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-1438-7

© Воронин А. Н., 2012
© ХАРВЕСТ, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Воронин
Спецназовец. Сошествие в ад

© Подготовка и оформление Харвест, 2012

Глава 1

Как обычно, непогода пришла откуда-то из Европы, и, несмотря на конец августа, в Москве уже вторую неделю дождило и было по-осеннему холодно. Нервные москвичи по привычке обвиняли в этом правительство и мигрантов, хотя между неприятными погодными явлениями и всеми этими людьми не было никакой причинно-следственной связи.

Юрий Якушев неторопливо шел по улице. Он не вертел головой и даже не морщился, несмотря на то что изрядно промок, а все из-за того, что так и не заимел привычку таскать с собой зонтик. Сколько он себя помнил, зонтики его раздражали. Снимаешь чехол, раскрываешь, потребуется куда-то зайти – закрываешь, вертишь в руках, не зная, куда приткнуться, и, наконец, где-нибудь забываешь...

Зеленый сигнал светофора прервал его философский экскурс, сочиняя который Якушев чуть не забыл о том, куда и зачем он идет. Что ни говори, годы, проведенные некогда на филфаке МГУ, давали о себе знать.

Поначалу после возвращения на гражданку Якушев подумывал вернуться в университет и закончить его, чтобы занять, как и все порядочные люди, диплом о высшем образовании, но все его мечты таковыми и остались. Его затащило в свою сеть повседневность, время от времени прерывавшаяся неурядицами, в разрешении которых просили его поучаствовать. Якушев обычно не отказывал в таких просьбах боевым товарищам: со всяким может неладное случиться.

Юрий ступил на проезжую часть, предварительно глянув влево-вправо. Мало ли какой ублюдок, который передвигается исключительно на «мерседесах» представительского класса с мигалками, решит вдруг полихачить.

Якушев насмотрелся в своей жизни на таких лихачей по самое не хочу. После демобилизации ему на первых парах все в Москве казалось непривычным и диким. Раньше он переходил дорогу на зеленый свет, будучи уверенным в том, что и все остальные участники дорожного движения прилежно соблюдают правила, но после того, как его «приняла» на капот «ренджровера» какая-то блондинка, наверно севшая за руль первый раз в своей жизни, Якушев стал на порядок осторожнее, осознав бесхитростную истину, что в Москве вероятность погибнуть ненамного ниже, чем в районе боевых действий.

Сейчас его давить никто не собирался, поэтому Юрий спокойно перешел проезжую часть и, скользнув равнодушным взглядом по яркой вывеске продуктового магазина, вспомнил, что забыл купить к ужину шпроты. А без шпротов, как ни крути, сытного ужина не получится.

«Да и сто грамм не грех пригубить сегодня, – подумал Якушев и поправил рукой мокрую прядь волос, сползшую на лоб. – Пора отдохнуть душой. А то все никак не получается: то одно, то другое. То у соседа что-то протекает, то бабка с первого этажа разоряется, что, мол, я ворую у нее тепло из батарей. Рановато что-то для осеннего обострения. Может, стоит ей разок надеть мусорное ведро на голову в профилактических целях? С некоторыми людьми для лучшего понимания ими житейских ситуаций нужно разговаривать на их же языке».

Около магазина царило оживление. У самого входа стояла группа подростков, от которой несло алкоголем за добрые пару метров. Якушев добродушно усмехнулся, понимая, что таким образом дети пытаются казаться взрослыми.

«Лучше бы читали полезные книги, – подумал он. – Я в их возрасте только и делал, что читал да шпынял мяч в дворовой футбольной команде. Да только где ты им объяснишь. Сейчас такая молодежь пошла, что скажешь пару лишних слов, и тебя пером чиркнут по боку, хорошо, если не по лицу».

Якушев неторопливо вошел в продуктовый магазин, отобрал с полок все, что ему было нужно, и с корзинкой, доверху набитой продуктами, занял место в километровой очереди. Люди закупались так, словно завтра намечался потоп.

Непонятно откуда взялся низкорослый кавказец, слегка небритый, с опухшими и красноватыми глазами. Он увидел в очереди своего приятеля, который стоял перед Якушевым, и приветственно поднял руку. В руках у кавказца была бутылка дешевого пива и какая-то сушеная рыба в вакуумной упаковке. Было ясно, что горец собрался похмеляться. Он нагло протиснулся вперед.

– Прошу прощения, – вежливо обратился к нему Якушев. – Займите свое место в очереди.

Кавказец, начавший уже рассказывать приятелю анекдот, замолчал на полуслове, хмыкнул и исподлобья уставился на Якушева.

Юрий был человеком неробкого десятка, поэтому подобные взгляды никогда его не смущали.

– Может, заткнешься? – «тыкнул» ему кавказец.

Якушев вздохнул, чуть кривя плотно сжатые губы. Он уже изрядно устал от то и дело навязывавшегося ему воспитательного процесса, но что поделаешь, если на просторах необъятной родины хулиганы и хамы составляют подавляющее большинство населения?

Якушев молча поставил корзинку на пол, выпрямился и, резко выбросив правую руку, схватил кавказца за горло и поднял его над полом. Тот судорожно засучил ногами, как суслик в когтях у беркута, и выронил бутылку пива, которая с грохотом разбилась на множество мелких осколков, заливая пол светлой жидкостью, весьма похожей на мочу.

Все разговоры в до того болтливой очереди стихли, и воцарилась напряженная, чуть ли не звенящая тишина, словно Якушев достал из-за пазухи пистолет и наставил его на кассира, требуя деньги, или показал всем пояс шахида, недвусмысленно намекая на то, что всего лишь одно неверное движение – и он отправит половину покупателей, если не всех, на тот свет.

Кавказец захрипел, выпучив глаза. Якушев чуть ослабил стальную хватку, опасаясь, что, чего доброго, этот невоспитанный подонок отбросит коньки, а это уже может квалифицироваться по соответствующей статье Уголовного кодекса, чего Юрий, собственно, не хотел.

Какая-то старушка завопила: «Что ж ты делаешь, душегуб окаянный!» Но люди не поддерживали ее, опасаясь вмешиваться.

Все это время приятель кавказца молчал, не сводя отупелого взгляда с Якушева, боялся, наверно, что вот-вот тот возьмется и за него. Ни словом, ни жестом он даже не попытался как-то помешать организованному Якушевым воспитательному процессу, словно потерял дар речи.

– Веди себя нормально, и тогда проживешь долго и счастливо, – назидательно сказал Юрий, разжимая стиснутую ладонь. – А если будешь так еще делать, то я не удивлюсь, если тебя найдут потом в какой-нибудь канаве или подьезде.

Смертельно оскорбленный джигит с трудом перевел дыхание и попытался покарать обидчика, нанеся резкий и прямой удар правым кулаком.

Якушев плавно увернулся и, пропустив мимо бока летящее тело кавказца, коротко ткнул его локтем в позвоночник, после чего кавказец рухнул как подкошенный, раскинув руки в стороны.

Охранник издали наблюдал за происходящим, но не торопился вмешиваться. По своему опыту он знал, что иногда лучше получить нагоняй от начальства и лишиться премии, чем вступить в чужую разборку и, чего доброго, получить удар ножом в брюхо или, того хуже, пулю из пистолета.

Юрий понимал, что кто-то из «сердобольных» граждан наверняка вызвал уже полицейских, а те не преминут забрать его в отделение, чтобы там угрожать завести уголовное дело и, прикрываясь этим мотивом, выкачать из него побольше денег, поэтому, чтобы не доводить

ситуацию до столь глупой и банальной концовки, чертыхнувшись, зашагал из магазина, оставив на полу корзинку с продуктами. Ладно, с голоду не умрет, хотя шпротов действительно жалко.

Дождь несколько стих. Якушев достал из помятой пачки сигарету и закурил. Дым попал в глаза, и Юрий, недовольно поморщившись, повел плечами.

Якушев давно уже собирался бросить курить, да вот все как-то не получалось. Каждый раз после перенесенного стресса рука автоматически тянулась к пачке сигарет, как рот младенца тянется к маминой груди. Курить Якушев научился, когда принимал участие в боевых действиях, вечно пребывая на грани жизни и смерти. Все было достаточно просто: «Или ты его, или он тебя». Как тут не закуришь, когда остался в живых и отправил на тот свет своего врага?

Проезд, ведущий к дому, где с недавних пор обретался Якушев, был тихим и относительно безлюдным. Изредка проезжали машины, тускло горели фонари.

Задумчиво глядя перед собой, Якушев дошел до подъезда, жадно затянулся несколько раз и выбросил окурок в урну. Он не сразу обратил внимание на компанию, оккупировавшую скамейку. Там сидели два парня в ветровках с капюшонами, опущенными на голову, слушали громкую музыку и, переругиваясь, пили из пластиковых бутылок пиво. Со стороны они смахивали на стандартных гопников, которых хватало в каждом уважающем себя московском дворе. В другое время Юрий обязательно взялся бы за их перевоспитание, но после неприятного инцидента в магазине его как-то не тянуло на подвиги.

Подойдя к домофону, Якушев запустил руку в карман, пытаясь нащупать связку ключей. И тут какое-то шестое чувство подсказало ему, что стоит проявить любопытство и оглянуться. Он резко дернулся, словно был чем-то сильно напуган, и вовремя, потому что в следующую минуту над его короткой стрижкой просвистел увесистый гаечный ключ, один удар которого в висок запросто мог отправить в могилу любого здоровяка.

Второй молодчик молча атаковал его справа. На свету фонаря слабо блеснуло тусклое лезвие выкидного ножа. Юрий отлично знал эти приемчики и мигом сконцентрировался, чувствуя, что судьба вечера, а может быть, и всей его жизни решится в результате этой встречи. Он скользнул вправо и, оказавшись за спиной парня с ножом, сгибом руки в локте зажал ему горло. Следующий удар гаечным ключом пришелся аккурат по незадачливому ножевладельцу, которым прикрывался Якушев. Тот взвизгнул, словно девушка, которая увидела таракана или крысу. Из разбитого лица брызнула кровь. Якушев убрал руку и легонько толкнул парня в спину, как будто по-отечески предлагал убраться отсюда подобру-поздорову, пока он не пересчитал ему все кости. Легонький толчок в спину на самом деле не был таковым, и парень, налетев на скамейку, упал кулем, закрывая лицо ладонями. Его болезненный вой, наверно, разносился по всему двору.

– А ты что думал? – спросил Якушев, сплевывая. – Получить по морде гаечным ключом – это тебе не поцелуйчик от девушки.

Второй нападавший держался от Якушева на солидной дистанции и воинственно размахивал своим оружием.

– Не пугай кота сосиской. Я еще и не такое видел, – скептически сказал Якушев и пошел на сближение, ловко уклонившись от парочки ударов.

Он перешел в контрнаступление и нанес свой коронный удар – ногой с разворота, – которым обычно отрезвлял соперников, отправляя их в короткий сон.

Орудие труда автослесаря со звоном упало на шербатую плитку. Нападавший рухнул, словно его подстрелил снайпер. Якушев приблизился к поверженному противнику и присел на корточки.

– Кто же так дерется? Нож, гаечный ключ... На элементарные приемы ведетесь.

Нападавший, по всей видимости, с трудом осознавал, где он находится, и мутным непонимающим взглядом смотрел на Юрия, как будто тот разговаривал с ним на китайском языке.

– На кого ты работаешь? Твой хозяин – дурак. Так ему и передай. Я не знаю, кто он и откуда, но отправить таких идиотов на ответственное и важное задание...

Раздался протяжный писк входной двери подъезда, и оттуда вышел незнакомый мужчина, внешним видом похожий на университетского профессора. Этому мужчине, лет сорока, в синем костюме и с портфельчиком в руках, Якушев видел впервые, поэтому насторожился. Его внимание привлек тот факт, что взгляд «профессора» был слишком уж тревожным и он косил куда-то в сторону, вместо того чтобы спокойно и мудро, как и полагается светила науки, смотреть перед собой.

Рассуждать времени совершенно не было, и Якушев, как разъяренная пантера, в молниеносном броске настиг «профессора».

Постороннему наблюдателю, появившись во дворе такой, открылась бы странная картина. Прямо у подъезда дюжий детина избивал степенного вида мужчину. Двое в капюшонах, подывая то ли от боли, то ли от злости, елозили по асфальту.

Впрочем, избивание длилось недолго. Юрий Якушев резко ударил мужчину по кадыку. Тот дернулся и затих.

Пошарив в своем кармане, Якушев наконец-то извлек оттуда ключи, чипом открыл дверь подъезда и втянул за собой тело «профессора». Несомненно, эта бестолочь была еще жива, Якушев брезговал марать свои руки о всякую шваль.

– Ну что, гадина? – хрипло выдохнул Юрий, как в былые времена, когда ему доводилось принимать участие в многочисленных боевых перестрелках, где его жизнь была не более чем разменной монетой. – Получил свое?

Желания читать «профессору» более длительную и содержательную лекцию у Якушева не было, и Юрий запустил руки в его кожаный портфельчик, изрядно потрепанный в результате длительной носки.

В подъезде было темно, чему Якушев давно не удивлялся и находил вполне логичное объяснение: местные жители регулярно выкручивали лампочки, впоследствии, по всей видимости, используя их в собственных квартирах. Нужно было спешить, поскольку в любой момент на пороге могли показаться какие-нибудь сердобольные старушки, которых тут наблюдалось в избытке и которые, что им свойственно, не стали бы ни в чем разбираться, а тут же подняли бы вой и вызвали бы наряд полиции, предварительно сообщив полицейским, что в подъезде опять разгулялось хулиганье и на этих гадов все никак не найдется управы.

Пошевелив пальцами внутри портфеля, Якушев нащупал там пистолет с глушителем, завернутый в промасленную бумагу.

– Ишь ты, аккуратист, – сказал он себе под нос.

Распрямившись с едва слышным хрустом в коленных суставах, Юрий отбросил портфель в сторону и ловко спрятал пистолет за пояс под рубашкой, которая теперь уж точно промокла насквозь и крайне неприятно холодила его тело.

После такого покушения на его жизнь рядовой гражданин, если бы ему все-таки посчастливилось выжить, побежал бы в полицию или, если бы был поумнее, метнулся бы домой собирать вещи и литься из города как можно скорее.

Якушев, однако, не спешил делать столь опрометчивые шаги, поскольку понимал, что в полиции его встретят отнюдь не с распростертыми объятиями, а визит в родную обитель может и вовсе оказаться последним. Как ни крути, что-то делать надо было, поэтому Якушев, оглядевшись и не заметив ничего подозрительного, вернулся к телу «профессора» и снял с него вначале пиджак, а потом брюки с рубашкой.

Глазомер не подвел Якушева – одежда оказалась ему впору. Переодевался он там же, в крошечной тьме.

Переодевшись, Юрий скомкал свою мокрую одежду и сунул ее в пакет, выуженный из кармана.

Снова раздался протяжный и неприятно звучащий писк, и Юрий вышел из подъезда. Тех молодчиков, которые за пару-тройку сотен зеленых на водку с обильной закуской нанялись отправить бывшего спецназовца на тот свет, и след простыл.

Их решение в сложившейся ситуации было достаточно благоразумным, учитывая, как легко и изящно, а самое главное, болезненно накостылял им по загривку Якушев. Попадись они ему теперь под горячую руку, еще неизвестно, позволил ли бы им он уйти.

Во дворе было тихо и спокойно, и ничто даже не намекало на то, что в стандартном московском дворике только что могла разыгаться кровавая драма. И снова усилился дождь.

Якушев выматерился, подумав, что меньше всего ему хочется сейчас мокнуть, попробовал закурить, но сигареты в мягкой смятой пачке напитались влагой, и поэтому он отправил их следом за своей мокрой одеждой в мусорный контейнер, который располагался в соседнем дворе.

Прежде чем выйти к метро, Якушев нарочно поплутал по дворам, чтобы убедиться в том, что за ним нет хвоста. Якушев невесело ухмыльнулся, подумав о том, что охота на него уже началась. Разве что только заказчик не потрудился завербовать профессиональных охотников, которые не делают ошибок. Иначе бы он, распластавшись на грязном асфальте и раскинув руки в стороны, как в каком-нибудь кинофильме, уже давно бы считал безжизненным взглядом звезды на небе. Ишь ты, две линии выставили: первая – из этих двух обалдуев, которые должны были пришибить его в хулиганской якобы драке, и вторая – киллер, который должен был завершить дело, пройди он первую линию, да дал маху, высунувшись раньше времени из подъезда. Неужели для них не провели инструктаж и не объяснили им подробно, кто такой Юрий Якушев и почему он крайне опасен даже для хорошо подготовленного человека?

Якушев вновь досадливо покачал головой, вторя своим мыслям, и торопливым шагом устремился к залитому светом фонарей проспекту. О том, чтобы выбираться из города на электричке или рейсовом автобусе, не могло быть и речи. Если на него ведется охота, а дела наверняка обстоят именно так, то там уже давно околачиваются опытные люди, и попробуй разберись, кто есть кто.

Что весьма смущало Якушева во всей этой истории, так это неизвестность. Кто на этот раз пришел по его душу? Каких-то недавних острых конфликтов у него не было, да и вообще он предпочитал решать все возникавшие проблемы прежде всего мирным путем, прекрасно зная, к каким печальным и непредсказуемым последствиям может привести его следование своим профессиональным навыкам. Ни с силовиками, ни с ментами, ни с криминалом он дел не имел и, следовательно, не ссорился. Быть может, это шлейф давних дел, который тянется за ним еще из чеченского прошлого? Может, какой-нибудь чеченский полевой командир издавна затаил на него обиду и, когда пришло время для мести, решил разобраться со своим обидчиком таким примитивным и подлым способом? Но какие тут чеченцы, если киллер напоминал скomorоха, а те два лба – пьяных гопников, которые искали себе рискованное и адреналиновое занятие после банального распития спиртных напитков. Чеченцы так не действуют. Юрий Якушев не успел бы дойти до подъезда, как уже во дворе среди бела дня и при всем честном народе оказался бы наштипованным свинцом, как поросенок яблоками.

Якушев на ходу глубокомысленно анализировал свою ситуацию, допуская множество логических ответвлений, которые все без исключения были крайне неприятными. Все-таки случившееся было непохоже на чью-то глупую шутку.

Соединяя воспоминания давно ушедших дней с калейдоскопом текущих событий, Юрий брел по проспекту, позабыв о том, куда он, собственно, направлялся. Не исключено, что он вышел бы из Москвы пешком, но его остановили то ли китайские, то ли корейские туристы и, отчаянно жестикулируя, начали у него что-то выпрашивать.

Юрий, как и полагается гостеприимному москвичу, внимательно выслушал их бойкую речь и постарался понять, чего же от него хотят, но, так ничего и не поняв, пожал плечами и

пошел дальше. И тут до его мозга дошло одно мелкое, но очень важное обстоятельство. Если он и дальше будет так прогуливаться у всех на виду, то легко может оказаться там же, где и выброшенная им пачка сигарет. Поэтому разумнее всего будет тормознуть попутку и таким способом выбраться из Москвы. Для начала, чтобы не принимать скоропалительных и поэтому опасных решений, есть смысл отсидеться на даче в Подмосковье и разработать план действий.

О том, что его могут пришибить на даче, Якушев ни капельки не беспокоился, потому что дача была приятельской, на которой Юрию было позволительно появляться в любое время года, предварительно забрав ключи из-под коврика на крыльце, да и китайская мудрость гласила, что, дескать, если хочешь спрятаться от врага, спрячься где-нибудь рядом с ним.

Кто будет искать Якушева в Подмосковье? Наоборот, кинутся на вокзалы и в аэропорты. Ведь естественное желание любой жертвы прежде всего выбраться из опасной западни, что чаще всего ее и губит.

Единственная серьезная проблема, которая имела у Юрия, заключалась в том, что он ну никак не мог вычислить имя заказчика его убийства.

По проспекту лениво ползли машины. После окончания рабочего дня и в результате регулярного несоблюдения правил дорожного движения здесь начинались стандартные пробки, которые, наверно, ненавидели все без исключения москвичи. Еще большую ненависть горожан вызывали молодчики на машинах с мигалками. Они резво вклинивались в любые потоки, нагло теснили других водителей, а в случае проявления недовольства последних запросто могли долбать чужое транспортное средство и еще накостылять как следует за неповиновение.

Дождь не стихал, и на шербоатом асфальте в многочисленных впадинах успели образоваться лужи, блестящие на свету. Якушев стал подальше от бордюра тротуара, поскольку не хотел, чтобы его обдал холодный душ из грязных дождевых брызг, и уверенно вытянул руку.

Вид у Якушева был вполне презентабельный. В новеньком пиджаке и брюках он был похож на молодого преподавателя, который по каким-то причинам пытается поймать попутку. Поэтому неудивительно, что буквально через пару минут около Якушева затормозил «ниссан» вишневого цвета.

Якушев опасливо склонился к окошку. Мало ли, выпустят по нему автоматную очередь, и поминай как звали. Но никто в него стрелять не собирался. Усталым взглядом на Якушева смотрел мужчина лет шестидесяти, с пышной седовласой шевелюрой. Он был одет в серую ветровку и черные джинсы, проще говоря, на нем был комплект одежды среднестатистического москвича.

– Куда ехать? – равнодушно спросил водитель.

– Поселок «Залесье», – ответил Якушев, постаравшись говорить с энтузиазмом бывалого дачника.

– Еще четверг, а уже на дачу, – удивленно пробормотал водитель.

– Угу. Мама там отдыхает, нужно проведать.

– Ладно, валяй. Тысячу заплатишь.

– Идет, – подмигнул Якушев и, потянув на себя дверцу машины, нырнул в теплый и прокуренный салон «ниссана».

Водитель оказался болтливым и назойливым собеседником. У Юрия даже появилось навязчивое желание выбросить его по дороге из машины и доехать до места назначения самостоятельно. Правда, он быстро отогнал от себя эти неправильные мысли, которые в нынешних обстоятельствах могли стоить ему жизни.

– Ты еще молодой, – назидательно говорил водитель, попыхивая сигаретой без фильтра, дымом от которой уже заволочло весь салон. – У тебя вся жизнь впереди. Молодость, знаешь ли, великое дело. Горы можно свернуть.

Во избежание ненужных проблем Якушев представился Евгением, преподавателем истории. И, как оказалось, зря, потому что этот болтливый мужик больше всего любил порассуж-

дать на темы политики и истории, предпочитая всему прочему разговоры о том, как «космические корабли бороздят просторы Большого театра». Беседа была тягучей и вялой, больше похожей на монолог.

Якушев угрюмо отделялся односложными ответами, списав свою неразговорчивость на сильную головную боль.

– Это все погода, – со знанием дела подтвердил водитель, наконец-то вырвав на МКАД, от которой до дачного поселка «Залесье» было еще около шестидесяти пяти километров.

– Угу.

– Ты, как приедешь, сразу выпей водки. Налей рюмочку и опрокинь. Она тебе сосуды расширит, и все пройдет.

– Да, выпью, – поспешил согласиться Якушев, не желая увязнуть в очередном историческом экскурсе на тему водки.

– Ты только водку правильную бери, не нарвись на паленую. А то потом потянет блевать. И еще обязательно огурчиком закуси. С матерью к консенсусу ты вряд ли приедешь. Они, брат, водку никак не переносят. В этом смысле баба мужику не товарищ.

После тридцати километров дороги Якушева стало подташнивать от этой болтовни, и он пожалел о том, что не притворился глухонемым. Языком знаков он владел превосходно. Правда, неизвестно, остановило ли бы это обстоятельство словоохотливого водителя.

Последний раз Якушев был в «Залесье» добрых пару лет назад, когда, собравшись с боевыми товарищами, в дружной компании отмечал тридцатник хозяина дачи. Юрий никогда не жаловался на память и легко запоминал мелочи, будь то номер телефона, автомобиля или банковского счета. По долгу службы пользоваться бумагой для запоминания сведений не приходилось: это не приветствовалось командованием, да и противоречило элементарным соображениям личной безопасности. Те же, кто нарушал это простое и эффективное правило, уповая на пресловутый и набивший оскомину русский «авось», до демобилизации, как правило, не доживали. Что уж тут было говорить о каком-то садовом домике, если в сознании Якушева без проблем укладывались комбинации из шестнадцати цифр.

«Ниссан» осторожно притормозил перед съездом с шоссе и свернул на проселочную дорогу, изрытую колдобинами. Власти давно обещали провести газ в дома и подложить асфальт, но, по всей видимости, выделенные бюджетные средства затерялись где-то на счетах у банкротов-подрядчиков, благополучно перекочевав в карманы наиболее «предприимчивых» чиновников. Те же, как водится в таких случаях, приобретали на эти деньги недвижимость в Москве или выводили их в офшоры.

– Вот упыри, – выругался водитель, закуривая очередную сигарету. – Всю подвеску себе раздолбаю!

Якушев обрадовался подсказанной самой жизнью возможности избавиться от надоедливого собеседника.

– Так чего вам машину гробить? Давайте я уже сам дойду. Мне тут недалеко.

– Да кто ж в такую темень пешком ходит? Ты что, парень! – присвистнул водитель и посмотрел на Якушева как на недалекого парнишку, который только недавно окончил среднюю школу и еще не успел познать пакостей жизни. – Я вот помню, как мне по башке вмазали...

И он охотно пустился в эмоциональный пересказ давней истории, которую он хотел рассказать именно Якушеву.

Тем не менее, не доехав до ворот дачного поселка, Якушев все-таки заставил водителя остановиться. Для этого ему пришлось симитировать серьезное недомогание, которое грозило обернуться заблеванным снизу доверху велюровым салоном новенького автомобиля. Данная угроза оказалась весьма действенной.

– Выскакивай тогда из машины!

Якушев быстро сунул смятую купюру водителю и, все еще не веря своему счастью, проворно вылез из автомобиля, а затем, разумеется, организовал для водителя показательное выступление, чтобы тот ничего не заподозрил.

Юрий метнулся к кустам, картинно изображая муки человека, которого укачало в машине. Там он согнулся чуть ли не пополам и вставил в рот два пальца.

Впрочем, водителю такая картина не доставила никакого эстетического удовольствия, поэтому он поспешил развернуться и дать по газам.

Убедившись в том, что машина скрылась за поворотом, Якушев с облегчением вздохнул и зашагал по направлению к воротам, выкрашенным свежей голубой краской.

Ворота были не заперты и приветливо скрипнули, когда Якушев потянул их на себя.

Воздух был влажным, и поэтому казалось еще холоднее, чем было на самом деле. Якушев зябко повел плечами и по привычке сунул руку в карман брюк, позабыв о том, что не взял с собой курева.

Было темно и безлюдно. Вдоль главной улицы кое-где горели тусклые фонари. Под ногами шуршала мокрая щебенка. Якушев уверенно шел вперед. Окружавшая его обстановка была ему хорошо знакома, словно он приезжал на дачу еще только вчера.

Пройдя три поворота, он повернул на четвертом и пошел в горку. В каких-то домах, несмотря на позднее время, еще горел свет. Наверняка дачники смотрели новости по «ящику».

Ключи лежали на старом месте, что только добавило Юрию уверенности в правильности принятого им решения. Он еще раз посмотрел по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. В устоявшейся темени трудно было, впрочем, что-то разглядеть.

«Хрен попадешь даже с двух метров», – удовлетворенно подумал Якушев и сунул ключ в замочную скважину.

Ключ податливо повернулся, и дверь открылась. На веранде Юрий осторожно вкрутил в патрон лампочку, которая была заботливо отсюда выкручена и лежала на подоконнике. Закрыв за собой дверь, он расправил шторы так, чтобы в окнах не оставалось и щели, куда бы проникал свет, и плюхнулся на жесткий диван.

Теперь он чувствовал себя в безопасности. Понятное дело, что безопасности относительной, но все-таки он довольно резко поменял место своей дислокации и в то время, пока его вез сюда водитель, успел убедиться в том, что за ним не ведется никакой слежки.

Веранда была просторной и обставленной всеми необходимыми в нехитром холостяцком хозяйстве предметами. На диване можно было переночевать, правда рискуя ночью замерзнуть или напороться на какую-нибудь жалобно стонавшую пружину.

На самодельном, добротном сколоченном столе была постелена местами прожженная клеенка. Там же располагались и две электроплитки. В углу веранды стояли два оцинкованных ведра для воды. Рядом стоял еще один стол с большой миской, в которой хозяин обычно мыл посуду. Над этим столом висел шкафчик с тарелками и прочей кухонной утварью.

«Прямо как Ленин в Разливе», – ухмыльнулся про себя Якушев и нехотя поднялся с дивана, чувствуя, как его клонит в сладкий и в то же время беспокойный сон.

Спал он всегда чутко, просыпаясь от каждого шороха, несмотря на то что война давно отгремела и он снова вернулся в свой родной город – Москву, которая за время его отсутствия успела стать чужой, и поэтому ко всему приходилось привыкать заново. И к пробкам, и к озлобленности людей, и к беспричинному хамству прохожих, и к поразительной безалаберности водителей, которые запросто могли сбить тебя на пешеходном переходе и поехать дальше.

Якушев снял с плеч пиджак, закасал рукава рубашки и вышел на крыльцо. Затем он спустился по ступенькам, повернул направо, словно хотел обойти дом кругом, и, чуть согнувшись, открыл небольшую дверцу под верандой. Там располагалось нечто вроде подвала, где его приятель хранил старые и ненужные доски, поленья, щепки и прочие древесные отходы, которыми Юрий планировал протопить на ночь дом, чтобы, чего доброго, не простыть.

Было темно, хоть глаз выколи, и Якушеву стоило немалых трудов не свернуть себе шею. Зрение у него хоть и было отменным, но тьма была кромешной, и поэтому он на ощупь определил стены и потолок. Только после этого он начал шарить руками вокруг себя и бросать «топливо» в жестяной таз, на который он напоролся по чистой случайности, задев его ногой.

«Хоть бы свет здесь провел», – недовольно подумал Якушев про своего приятеля, употребляя при этом вслух нелицеприятные высказывания, что случалось с ним крайне редко, разве что в исключительных ситуациях.

Когда тара была загружена доверху, он взял ее двумя руками, так, что бицепсы налились сталью, и в согнутом положении, боясь удариться головой о низкий потолок, вышел из подвального.

Дальше дело пошло веселее. Вернувшись в дом, он взял два ведра и набрал воды. Тут же поставил на накалившуюся за время его отсутствия плитку чайник и бросил в белую эмалированную кружку, сохранившуюся еще с советских времен, ложку заварки.

После чего Якушев, не ожидая, пока закипит вода, вставил ключ в дверь, ведущую в жилые помещения.

Провернув ключ два раза против часовой стрелки, он вошел в большую комнату, которая была полностью отделана досками. Прислушавшись в тишине, Юрий услышал только слабое шуршание личинок мебельных жуков, которые питались этими же досками, экологичностью которых так гордился и хвастался его приятель.

«Вот тебе и справедливость, – подумал Якушев, почесав затылок. – Человек возится, строит, нервничает, а насекомое потом вольготно грызет его дом, и ничего нельзя сделать. И почему он не обработал стены лаком? Экология, экология... Вот тебе и экология, брат! Через двадцать-тридцать лет стены станут трухлявыми, если, конечно, до того времени какой-нибудь дачный придурок не пустит на этот дом красного петуха. В садовых товариществах таких хватает».

При мысли о дачных придурках и прочих отморозках, которые хотели сегодня отправить его досрочно на кладбище, Якушев вспомнил про чайник, и ему стало стыдно за свою неосмотрительность. Он уже даже представил себе укоризненный взгляд своего приятеля на пепелище.

К счастью, вода только закипела, и все обошлось. Якушев доверху наполнил кружку кипятком, уселся на диван и задумчиво посмотрел перед собой, словно на шторах прямо перед ним проступило восьмое чудо света.

Его неотрывно преследовала мысль о заказчиках его убийства. Конечно, ему доводилось бывать и в более трудных ситуациях. Но текущее положение дел Якушева категорически не устраивало. Перед глазами сразу возникала картина: вот он, судорожно цепляясь за соломинку, тонет в чавкающей хляби. И его сверху придавливают сапогом, чтобы утонул наверняка.

Пока заваривался чай, Юрий, полазив по шкафчикам, обнаружил там пакет с сахаром и мешок сухарей, а также приличный запас рыбных консервов, несколько банок говяжьей тушенки и на десерт по литровой банке сливового, яблочного, клубничного и малинового варенья.

Горячий чай обжигал губы, и он впервые за долгое время согрелся и почувствовал некое домашнее спокойствие.

Неожиданно завибрировавший мобильник в кармане джинсов заставил его встрепенуться. Он вздрогнул, словно поймал взглядом луч лазерного целеуказателя от снайперской винтовки, и поспешно извлек из кармана трубку, о существовании которой успел позабыть.

Как и следовало того ожидать, номер звонившего не определился. Якушев нахмурился. Он, вообще-то, не должен отвечать ни на какие звонки. При наличии современных технологий не так уж и трудно перехватить чужой разговор по мобильному. Достаточно подогнать микроавтобус с подходящей аппаратурой, которая не стоит космических денег.

Незнакомый абонент звонил долго и настойчиво. Бутерброд из размоченного сухаря с толстым слоем тушенки перестал казаться вкусным, и Юрий с превеликим трудом заставил себя съесть все приготовленное до конца. Теперь его тревога усугубилась. Если он сейчас отключит мобильный, то звонивший поймет, что «клиент» звонок увидел, но разговаривать не пожелал. Если поднимет трубку, то хрен его знает, доживет ли он здесь до утра. Определят его местоположение и еще ночью возьмут тепленьким, как они с ребятами сами в Чечне брали предателей, когда те в одних трусах выскакивали на улицу напрямик под автоматные дула.

После неудавшегося покушения церемониться с ним не будут. Думая об этом, Якушев даже погасил на веранде свет и в волнении начал мерить шагами небольшое пространство.

Его мозг лихорадочно пытался выдать верное решение. Он уже давно усвоил простое правило, что какой бы плачевной ни была ситуация, из нее всегда можно найти выход. Для этого нужно только устроить мозговую встряску и хорошенько сосредоточиться. Но попробуй ты сосредоточься, когда треклятый мобильник трезвонит чуть ли не каждую секунду.

Юрий с трудом сдерживался, чтобы не разбить этот визгливый кусок пластмассы об стену. Когда терпеть растрезвон стало уже невозможно, он оставил мобильный на веранде, а сам прошел в большую комнату, а уже оттуда через тамбур в спальню. На полу лежал большой матрас от двуспальной кровати. Порывшись в шкафу, который превосходно сохранился еще с советских времен, Якушев достал шерстяное одеяло и мятый пододеяльник, чью свежесть он определил, подозрительно приняхавшись.

Не раздеваясь, Якушев бухнулся на матрас, кое-как накрылся одеялом и уже буквально через пару секунд отрубился. В комнате был слышен только его залиvistый храп.

Никогда в жизни Юрий не знал, что такое бессонница, и искренне не понимал людей, которые ею страдали. Чего страдать? Если лег в кровать, так уж спи, а не забивай себе голову разной чепухой. Слишком много мыслей? Тогда не спи, а сиди и думай хоть до посинения.

Глава 2

Будильник разразился нервной тирадой, чуть ли не подскакивая на тумбочке. Он бы звенел еще долго, надрывно и раздражающе, если бы из-под одеяла не высунулась массивная волосатая рука, которая не очень-то любезно по нему ляпнула. Будильник тут же обиженно замолчал.

К слову, техники в доме было немного и по большей части она имела старый и неприглядный вид. Хозяин жилого помещения, по всей видимости, не утруждал себя мыслями о новинках технического прогресса, от которого отстал уже на добрых полвека, довольствуясь низеньким тархтящим холодильником, телевизором, которому плоская панель и не снилась, и простеньким телефоном с монохромным дисплеем, лежащим на подоконнике.

Сквозь плотные шторы в комнату все же просачивался приглушенный солнечный свет. Через открытую форточку доносились чьи-то голоса. Переливчато пели птицы.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем мужчина в постели снова заворочался, словно медведь в берлоге. Пошарив рукой по тумбочке, он так и не нашел того, чего хотел, поэтому недовольно нахмурил брови и наконец-то открыл глаза.

Его взгляд был мутным и пустым, как и полагается взгляду человека, отдавшего щедрую дань обильным алкогольным возлияниям накануне. Словно в подтверждение этого Алексей Сазонов застонал, как раненый, которого принесли в полевую больничку. Схватившись руками за голову, он сжал пульсировавшие от боли виски. Впрочем, легче от этого ему не стало.

– Вот чертовщина, – недоуменно пробормотал он себе под нос. – И куда они могли подеваться? Я же вчера положил их сюда. Точно помню.

Как он ни старался встать, но убедить себя в необходимости этого шага так и не смог, несмотря на увещевания и угрозы, что вот-вот в школе у него начнется первый урок. А прежде чем он начнется, нужно перекурить, принять душ, если, конечно, дали горячую воду, с которой здесь частенько случаются перебои, и, в конце концов, позавтракать, опохмелиться, затем поколдовать над велосипедом, чей скрежет тормозов уже становится слышным на всю улицу.

Не найдя пачки сигарет на тумбочке, Сазонов снова застонал, как будто отсутствие курева было для него величайшим несчастьем в жизни. Приоткрыв глаза и поймав яркий луч солнца, взявшийся неведь откуда, он со вздохом смертельно уставшего человека повернулся на другой бок и аккуратно подоткнул одеяло, чтобы не досаждала утренняя прохлада.

«Еще чуть-чуть, – пообещал он себе, чувствуя, как все его члены сковывает сладкая дремота. – Все равно лишних пять минут ничего не решат. Пока все соберутся... И так постоянно опаздывают».

Мысль о позабытых где-то сигаретах снова пробудила беспокойство. Все-таки утро без выкуренной сигареты натошак – это не утро. Сазонов знал, что, не выкури он парочку штук перед первым уроком – быть беде. Раздражение, переполнявшее его, в таких случаях выплескивалось наружу, и пострадавшими обычно оказывались местные сорванцы, у которых он вел в школе уроки вот уже несколько лет.

Если бы не директор школы, которому внушало трепет и почтение прошлое Алексея, то он бы до сих пор ютился в дощатом бараке, который местные власти выделили ему первоначально. Там о горячей воде можно было и не мечтать, да и холодную давали нерегулярно, поэтому приходилось мыться в ледяных горных ручьях. Зычная нецензурная брань учителя русского языка и литературы разносилась в такие минуты далеко по округе.

Терпение Алексея лопнуло после того, как в одну ненастную летнюю ночь во время интенсивной грозы с громом и молниями выяснилось довольно-таки неприятное обстоятельство – протекающая крыша. Никакие миски и тазы не помогали. Дождь лил как из ведра,

в считанные минуты под ногами захлюпали первые лужи, и его мобильник – подарок бывшего ротного – издох геройской смертью, утонув в бурных потоках грязной воды.

После этого происшествия Сазонов рванул галопом напрямик в мэрию. Естественно, дальше секретарши мэра он не прошел, иначе пришлось бы ломать мебель и выносить с плеча дверь, чтобы привлечь к своей персоне хоть капельку внимания важного чиновника. Такое поведение, впрочем, пахивало сумасшествием и уголовщиной. Чего доброго, могли бы вызвать наряд полиции, санитаров и для начала в качестве профилактики упечь в какую-нибудь близлежащую дурку для тщательного обследования, после завершения которого Алексей наверняка бы свихнулся. Ну и естественно, аннулировали бы вид на жительство, который он получил не без помощи своих бывших работодателей. Подставлять их ему тем более не хотелось. И Сазонов несолоно хлебавши, наградив крикливую и багровую от злости секретаршу мэра оскорбительным и в то же время оригинальным прозвищем «тбилисская сука», ушел в школу. Его тоска была настолько сильной, что он не выдержал и купил пару бутылок вина, которые распил прямо в учительской.

Директор застал его в непотребном виде и очень эмоционально высказался по этому поводу, совершенно не вникнув в суть его проблемы. Сазонов, у которого в глазах все двоилось, если не троилось, хотел сделать из бутылки розочку и ткнуть ею в директорскую харю – символ ненавистной и ни во что не вникающей власти, но сдержался и коротко пояснил причину своего опьянения. Директор оказался вовсе не таким тупым, скорее наоборот, мировым мужиком. Хряпнув с Сазоновым за компанию грамм двести, он ослабил галстук на шее и согласился, что жилище с крышей как решето для учителя не подходит. Пообещав по пьяни переселить Сазонова в элитную пятикомнатную квартиру в центре Тбилиси, спустя неделю-другую бюрократических проволочек он заселил Сазонова в небольшой домик на окраине Тбилиси. Пяти комнат элитной жилплощади здесь не намечалось и в перспективе, но Сазонов был неприхотлив в быту, да и помалкивал: за свое пьяное поведение ему было стыдно. В общем, с директором Алексей мог бы и подружиться, если бы того не послали на повышение в министерство, заменив уж вовсе непотребной тварью.

Новое жилище привело его в состояние неопишуемого детского восторга, и он на радостях купил у соседей дешевого, но качественного домашнего грузинского вина и с ними же распил его у себя в доме. После вина начали играть в домино на деньги. Сазонову отчаянно не везло, и он за пару неудачных заходов спустил половину учительской зарплаты, в результате чего ему пришлось доживать месяц в условиях строжайшей экономии – на свежем лаваше и полезном айране, вызывавших у него к концу месяца приступы тошноты.

Так он и жил. Утром и днем преподавал в школе, а по вечерам пил винцо и играл в домино со своими новоявленными грузинскими приятелями-собутыльниками. Один раз его хотели нагреть на немаленькую сумму, и Сазонов показал всем, что означает «поцелуй тигра». После этого друзей у него не осталось, а те, кто дружил с ним раньше, бурчали под нос глухие ругательства и обещали показать ему, где раки зимуют, на всякий случай держась от него на почтительном расстоянии.

Что ж, оказавшись в культурном вакууме, Сазонов не отчаялся и не превратился в алкоголика-одиночку, для трансформации в которого имелись все предпосылки. Вместо этого он держал хвост пистолетом и незамедлительно взялся за воспитательный процесс подрастающих недорослей, стараясь воспитывать их как в армии, используя строжайшую дисциплину и все сопутствующие ей методы педагогики.

Недоросли не шибко-то хотели учиться, и Сазонова регулярно ждали какие-нибудь сюрпризы. То кнопки на стул положат, то испачкают спину мелом, а однажды, аккуратно на Восьмое марта, положили на учительский стол «Камасутру для геев» и пачку презервативов.

Видя, что никакие воспитательные методы не действуют, Сазонов своими ручищами прилюдно превратил довольно-таки прочную книгу в кучу глянцевых ошметок и уверенно пообещал следующему шутнику натянуть эти презервативы на голову.

В классе установилась гробовая тишина, и Сазонов с большим удовольствием впалял некоторым отрокам по двойке за невыученные стихи Пушкина.

Сегодняшнее утро ничем не отличалось от предыдущих. При всех своих достоинствах и остатках дисциплинированности Алексей все никак не мог справиться со своим хроническим недостатком – он неизменно опаздывал. Тут, в Тбилиси, он как-то незаметно для себя перешел на местный образ жизни и никуда не торопился.

В комнате снова раздались трели. На сей раз сработал будильник на телефоне, который Алексей заводил на тот случай, если после звонка обыкновенного будильника он снова заснет. Рукой до телефона было не дотянуться, и он захлебывался раздражающей мелодией, намекающей на то, что пора бы Сазонову поднять свою задницу с кровати и отправиться делать общественно полезную работу.

– Не жизнь, а наказание, – буркнул он, неуверенными движениями натягивая брюки, уже залоснившиеся сзади, потому что их хозяин частенько ерзал на стуле.

Телефон тут же заткнулся, и, к неописуемому счастью Алексея, именно в кармане брюк он обнаружил непечатую пачку сигарет и коробок спичек.

«Вот это находка!» – обрадовался он, дрожащими пальцами разрывая целлофан и закуривая прямо в комнате.

Выпустив пару облачков дыма, он открыл форточку, и в комнату хлынул свежий горный воздух, смешиваясь с запахом перегара.

Башка нещадно болела, и Сазонов все не мог собраться с мыслями, чтобы вспомнить, что там сегодня у него по расписанию. Пока он искал это самое расписание, в груди тлела слабая и робкая надежда, что все-таки сегодня он должен идти ко второму уроку и может сделать себе некоторые послабления, вроде того, что поваляться в кровати.

Но его заблуждения были жесточайшим образом опровергнуты. В расписании четко значилось, что он должен был торчать в школе с восьми часов утра. Сазонов давно привык к собственной безалаберности, которая, как ни странно, завелась у него в привычках после окончания военной службы. Получилось так, что его прорвало как плотину. Ведь служа, хотел Сазонов того или нет, он был вынужден подчиняться военной дисциплине и иногда чувствовал себя бездушным и тупым роботом. Теперь же, когда его отпустили на все четыре стороны, Алексей впервые за долгие годы мог расслабиться и жить по собственному распорядку. Ему настолько опостылела армейская атмосфера, что иногда он не выдерживал и устраивал демарши. Кроме одобрения, его поведение ничего иного у сослуживцев не вызывало. А это дорогого стоит, ведь юмор у военных, как и у боксеров, специфический, не всегда понятный обыкновенному человеку.

Однажды накануне штатной поверки он нарочно лег голым в постель. Сам генерал-майор сорвал с него одеяло и потребовал сию же минуту зачехлить все это «безобразия». Зато вся казарма после ухода высших чинов гоготала как ненормальная, и Алексей примерил на себя лавры героя дня без галстука...

В его распоряжении оставался ровно час, чтобы спасти ситуацию. И, как обычно, спасти ее в самый последний момент.

Наспех докурив сигарету, он притушил окурок о жестяную банку на подоконнике, которая служила ему пепельницей. Затем метнулся на кухню, где, как дитя из голодного края, яростно вгрызся в не первой свежести лаваш.

Пережевывая на ходу не очень-то податливое «тесто», Сазонов оделся, как и полагается школьному учителю. Костюм был ему впору.

Лаваш дал о себе знать очень быстро, и не чувством насыщения, как ожидал Алексей, а неприятной и интенсивной икотой.

Он удвоил обороты педалей своего старенького велосипеда, выделенного ему школой, выехав с узкой, петляющей горной тропки на широкое и гладкое, как лист бумаги, привычное европейское шоссе.

Перед тем как выехать на трассу, он сделал в пути незапланированную остановку около горного ручья. Остановка прилась как нельзя кстати. После вчерашнего родительского собрания, на котором горцы не скупилась на похвалы и активно угощали его домашним вином и напитками покрепче, нынешним утром Сазонова мучил жестокий сушняк, ежеминутно требующий утоления жажды. А тут еще и дурацкая икота, из-за которой Алексей не мог толком разговаривать.

Склонившись над водой, он зачерпывал ее пригоршнями, пил мелкими глотками и нарочно задерживал дыхание.

В пышных кронах деревьев слышался мелодичный посвист птиц, а от чистейшего воздуха у приезжего с непривычки могла закружиться голова.

Вдоволь напившись воды из «общественного» источника, Алексей проворно запрыгнул на велосипед и продолжил путь в школу.

Эта школа, к слову говоря, не была какой-то там захолустной развалюхой для балбесов с двумя извилинами в голове. Нет, здесь ежегодно устраивался бешеный и негласный конкурс на поступление. Для местных воротил овец и пастбищ было честью, чтобы их чадо училось именно в этом образовательном заведении, хотя бы потому, что могло узнать там, кто такой Пушкин, и понять, что, кроме продукции Apple, в мире есть достаточно много интересных вещей нематериального свойства и, безусловно, заслуживающих пристального внимания. Критерием отбора, как и полагается в любой элитной школе, был размер взятки, которая вручалась директору в торжественной и, что самое важное, частной обстановке. Он обещал сделать все от него зависящее и в то же время с виноватой улыбкой предупреждал, что не все в его силах.

Школа была создана при американском посольстве, и здесь учились дети шишек разного масштаба, что, впрочем, не мешало быть местным мажорам тунеядцами.

Когда один из этих отпрысков спустя год учебы под бдительным руководством Сазонова дерзко назвал его на «ты», последний еле удержался от того, чтобы не поднять вконец охамевшего школьника за ухо в воспитательных целях.

И вот он мчался как ненормальный в эту школу, где его ждали будущие чиновники и бизнесмены, на которых родители возлагали огромные надежды.

Он вел уроки у малышей, подростков и у тех, кто вот-вот должен был выпускиться. Последняя категория была особенно проблемной. Юные старперы активно интересовались голыми женскими телами в мужских эротических журналах, обсуждали марки машин, коньяки и женщин, и им было абсолютно наплевать на классиков русской литературы и на то, что они там кропали.

С ними Сазонов частенько доходил до того, что скрежетал зубами от раздражения. Его угрозы на них не действовали, а двойки не вызвали никаких эмоций, разве что равнодушное пожимание плечами. Мол, дело хозяйское, раз так надо, то ставьте. Эти школяры, которые говорили басом и в перерывах курили дорогие сигареты за углом школы, ни во что не ставили его литературу и русский язык. Естественно, они не уважали и Сазонова, относясь к нему снисходительно. Такое отношение объяснялось тем, что Алексей со своей зарплатой подпирал стойки социальной лестницы, в то время как они резвились на ее верхних ступенях и чувствовали себя очень комфортно, регулярно спуская крупные суммы в ночных клубах Тбилиси.

На улице припекало. Солнце на безоблачном небе неторопливо устремлялось к зениту. Поэтому пиджак пришлось снять, а пуговицы рубашки расстегнуть чуть ли не до пупа, чтобы мокрая от пота ткань не липла к спине.

Изредка по шоссе проносились машины. Алексей, памятуя предыдущее ДТП, когда его сбил какой-то горец на «БМВ», старался держаться поближе к обочине и иногда, не выдерживая, оборачивался. Кому хочется закончить жизнь на чужом капоте пускай даже элитного и дорогого авто?

По мере приближения к школе транспортный поток становился все гуще и разнороднее. Грузины неторопливо ехали на работу. Никто из них не суетился, и здесь опаздывать на работу, в общем-то, было в порядке вещей. Многие компании закрывали на это глаза: все равно ведь не уволишь всех сотрудников.

Проехав несколько последних кварталов на запредельной и весьма рискованной скорости, Сазонов метеором влетел на школьный двор, едва не снеся шлагбаум, который предусмотрительно поднял расторопный охранник. Не окажись парня там, Сазонов перелетел бы через руль велосипеда, и неизвестно, смог ли бы он вести сегодня уроки, уж скорее пришлось бы вызывать «скорую», чтобы везти его в больничку.

Благодарно махнув рукой охраннику, он бросил велосипед около новехонького джипа очередного местного «отличника» и взбежал на крыльцо, словно за ним гналась стая бешеных собак.

В школьных коридорах было тихо, как в морге. Сазонов полез в свой портфель и извлек оттуда потрепанное расписание. Беззвучно шевеля губами, он какое-то время водил пальцем по листку, словно кладоискатель, определявший свое местоположение на карте. Определившись, он поднялся на второй этаж и, по-военному чеканя шаг, резко рванул на себя дверь.

Ему очень нравилась эта привычка – неожиданно, а самое главное, стремительно врываться в кабинет, наблюдая, как в глазах школяров гаснет радость. Наверняка они втихую мечтали, чтобы его сбила машина или какой-нибудь молодчик в подворотне поработал над ним кинжалом, ну, или на худой конец чтобы у него поднялась температура и он неделю-две провалялся в каком-нибудь лечебном учреждении.

Класс продолжал галдеть, как растревоженный улей. Сазонов нахмурился и бросил на школьников грозный взгляд. Они мигом притихли.

Сейчас он вел урок как раз у подростков. А это, знаете ли, не шутка, попробуй вталдычь что-нибудь этим недорослям, когда у них начался процесс полового созревания и больше всего на свете их интересуют женские прелести.

– Не ждали? – ухмыльнулся Сазонов, обводя аудиторию цепким взглядом. – Ну, я думаю, у вас было достаточно времени, чтобы повторить домашнее задание. Прежде чем я начну спрашивать, давайте отметим отсутствующих. Староста, где журнал?

– Не знаю, – староста, низкорослый паренек борцовской комплекции, пожал плечами и уставился на Сазонова, словно ожидая от него дальнейших указаний.

– А кто знает? Я, что ли?

Эти выходки горцев Сазонову были давно знакомы. Каждый раз, когда намечалось какое-то ответственное мероприятие вроде родительского собрания или проверки успеваемости классным руководителем, классные журналы чудесным образом терялись и не менее чудесным образом находились, стоило грозе миновать.

Раньше Сазонов смотрел на это сквозь пальцы, делая скидку на несмышленость школяров, но теперь видел, что они обнаглели настолько, что, не задумываясь о последствиях, нагло перегибали палку и, кажется, искренне верили в свою безнаказанность.

Алексей обвел тяжелым взглядом притихший класс. Как ни странно, большую его часть составляли именно мальчики. По каким-то непонятным причинам в классе были всего две девочки. И нередко Сазонову приходилось успокаивать разбушевавшихся грузинских плейбоев, которые, насмотревшись невесть чего на зарубежных телеканалах и в Интернете, пытались вести себя как европейские мачо и говорили одноклассникам разные похабности, а иногда даже норовили пустить в ход руки.

Чтобы пресечь подобные сексуальные домогательства, Сазонов повел себя жестко и непримиримо, накрутив уши нескольким особо ярым и возбужденным активистам.

Раньше Сазонов не замечал, чтобы за ним водился талант Макаренко, но, начав преподавать, не имея даже педагогического образования, он вошел во вкус и чувствовал прямо-таки наркотическую тягу к воспитанию подрастающего поколения.

Шестеренки в его голове после вчерашней пьянки крутились неохотно, как не смазанные машинным маслом детали средневекового шнекового механизма. Он собирался сделать ход конем, применив неожиданный тактический ход, и наконец-то показать этим молокососам, где раки зимуют. В боевых условиях это сделать было проще. Достаточно было подтвердить свои убеждения красноречивым и, что самое важное, нецензурным монологом, который прекрасно воздействовал на сознание неоперившихся юнцов, которые еще вчера курили бамбук в какой-то учебке, а теперь оказались на передовой.

Здесь же этот номер не пройдет, а скорее всего только все испортит. Слишком они субтильные и малахольные для таких разговоров. Еще, чего доброго, обделаются после такого воспитания и в тот же день доложат обо всем своим богатеньким родителям, которые привыкли быть вершителями чужих судеб. Конечно, эти детишки постараются как можно сильнее извратить картину произошедшего, и их учитель в глазах родителей будет выглядеть настоящим монстром.

Сазонов хорошо понимал, что если он начнет выкидывать фортели, которые мог позволить себе на военке, то терпеть его долго не будут, а выкинут как шелудивого пса на улицу. И кому он там пригодится? Понятно, что есть связи, но всему есть предел, и, если он по своей вине потеряет эту работу, хлопотать за него никто больше не будет.

Размышляя об этом в особо щекотливые и требовавшие деликатного подхода моменты, он представлял себе мрачную картину, как с авоськами, доверху забитыми пустыми бутылками из-под вина, и окладистой вшивой бородежкой копается в необъятных закромах местной помойки. Чтобы избавиться от этого депрессивного морока, Сазонов открывал бутылку дешевого и, что немаловажно, превосходного грузинского вина и дезинфицировал свое воспаленное сознание. Такой способ был действенным, только, к сожалению, очень краткосрочным, и для закрепления благотворного эффекта алкоголь требовалось употреблять регулярно, чем, в общем-то, Алексей и занимался на досуге, распивая вино, как обычную питьевую воду, и не видя в этом ничего предосудительного.

Заблудившись в дебрях своих бесконечных размышлений, он не сразу выплыл в реальность, в которой он тупо стоял перед классом, как солдат на плацу перед генералом.

– В общем, вам дается десять минут на то, чтобы решить все свои вопросы, – откашлявшись, решительно и резко заявил Сазонов. – Если через это время журнал не окажется на столе, то вы будете писать контрольную. Тот, кто попытается списать, пулей вылетит за дверь. Я ясно выразился?

И он замолчал, глядя на притихших школяров сверху вниз, как орел смотрит на своих беспомощных и трусливых жертв, суетливо копошащихся где-то там вдалеке и еще не знающих о том, что над их головами нависла серьезная угроза.

Никаких возражений, как и предполагал Сазонов, не последовало. Грузины – народ горячий, и поэтому иногда с ним залупались по самым ничтожным поводам, но угроза писать контрольную работу оказалась действенной. Тем более что вид Сазонова после похмелья говорил о многом, если не обо всем. В его красноватых после попойки глазах горел дерзкий огонек, который не предвещал никаких послаблений и компромиссов.

Сазонов, чувствуя, как его мутит, вышел из класса, на ходу доставая из кармана мобильный, как будто ему срочно позвонил по неотложным делам какой-то серьезный кореш.

Иногда Сазонов искренне жалел, что в свое время не получил техническое или экономическое образование. С его природной вьедливостью и настырностью был бы сейчас каким-

нибудь высококвалифицированным спецом в корпорации международного уровня и в ус бы не дул, думая о перспективах программирования и о покупке новомодных гаджетов, вместо того чтобы заниматься учительством. А что теперь? Отслужил, был в горячих точках, участвовал в немалом количестве боевых операций и ликвидировал по меньшей мере роту опаснейших негодяев, и какой монетой ему оплатили за все эти старания? Теперь торчит обычным учителем в школе при американском посольстве. Хотя, с другой стороны, он не мог пожаловаться на свою участь, потому что был востребованным человеком и имел шикарную возможность круглогодично любоваться горными видами и вдыхать свежий воздух, не отравленный выхлопными газами.

В коридоре по-прежнему никого не было; только прислушавшись, можно было уловить за дверьми школьных кабинетов монотонный бубнеж учителей и периодический галдеж аудитории.

Пройдя в туалет, Сазонов предварительно убедился в том, что там никого нет, и только после этого сунул два пальца в рот. Тут он не нуждался ни в какой публике. Запишут, чего доброго, на мобильник, разместят в Интернете, и ролик с его участием станет превосходным компроматом, ну и, естественно, хорошей зацепкой для того, чтобы вытурить его с работы без лишних объяснений. А попробуй-ка ты найди в Грузии новую работу, тем более квалифицированную. Рабочих мест настолько мало, что существует негласный конкурс даже на вакансию пастуха.

Согнувшись над унитазом как вопросительный знак, Сазонов так и не смог ничего из себя выдавить. Разогнувшись и сплюнув, он задумчиво подошел к окну и открыл форточку. Достал из кармана брюк пачку сигарет и закурил.

С похмелья парочка выкуренных сигарет обычно здорово помогала, и он быстро приходил в себя.

«Покурю, – подумал Сазонов, посмотрев на часы и снова затянувшись. – Когда вернусь, журнал уже будет на столе! Ну а если его там не окажется, я им устрою Варфоломеевскую ночь».

Буквально через пять минут в туалете так сильно воняло табаком, что хрупкие девушки с непривычки могли грохнуться в обморок. Но девушкам быть в мужском туалете не полагалось, поэтому Алексей не забивал себе голову разной чепухой, справедливо рассудив, что школярам все равно, чем здесь пахнет. Тем более зимой мужской туалет по умолчанию становился курилкой.

Уж за что, за что, а за сигареты Сазонов никогда и никого не гонял, потому что и сам частенько не выдерживал и выходил во время уроков, чтобы побаловать себя куревом.

Сазонов рывком открыл дверь, словно пьяный налетчик, которого на улице ждал добрый взвод полицейских, и, картинным жестом поправив пиджак, бодро промаршировал по пустому коридору к своему кабинету.

Галдеж школьников, оставшихся без присмотра, был отчетливо слышен уже издалека.

Сазонов усмехнулся, представив, как все шуганутся, когда он зайдет в кабинет. Но его предположениям не суждено было сбыться, потому что едва он коснулся ручки двери, как его окликнул директор.

По всей школе ходили слухи, что директора пристроили здесь по благу, тем не менее его эти слухи не смущали, и, учитывая скудный список его достижений, вел он себя весьма нагло.

Сазонов давненько мечтал припечатать директора башкой о сортирный кафель, да все сдерживался, понимая, что такое самоуправство не сойдет ему с рук. К тому же директор был грузином, да еще местным, и стоит ему черкануть заявление о побоях в ментовку, как Сазонова тут же возьмут под белы ручки и отправят для начала в «обезьянник», создав там «полноценные» условия для признательных показаний.

– Эй, Сазонов. Куда идешь? – хриловатым голосом спросил директор в элегантном синем костюме за пару тысяч евро, который, несмотря на его стоимость, не мог скрыть значительно выдающегося вперед пуза.

«Вот отъелась бандитская харя», – недружелюбно покосился на него Алексей, подумав о том, что в былые времена за такую фамильярность можно было и в нос схлопотать.

– На урок. Куда же мне еще идти? – ответил Сазонов, стараясь говорить как можно добрее, хотя это давалось ему с трудом.

– Ай! Что урок! – поморщившись, махнул рукой директор, словно Сазонов предложил ему толкнуть идеологическую речь перед подростками о вреде алкоголизма и курения. – Я тебе дело предлагаю. Пойдем вина выпьем. Мне тут друзья прислали на дегустацию пару бутылок.

Меньше всего на свете Сазонову сейчас хотелось пить. Едва он представлял в своем воображении вкус алкоголя, как его непреодолимо тянуло «метать икру». Но мозги у него, хоть и с похмельным скрипом, все-таки работали, и он прекрасно понимал, что откажи он сейчас директору, и пиши пропало. В его лице он наживет себе смертельного врага, который вполне успешно, пользуясь своими полномочиями, выживет Сазонова из школы. О продолжении этой печальной истории можно было и не думать. Он погрузится на дно социальной клоаки и какое-то время будет там булькать, пуская пузыри и пытаясь выплыть наружу.

– Разве вам откажешь? – с шутливым огорчением вздохнул Сазонов и развел руками.

Директор ухмыльнулся, словно в очередной раз продемонстрировал свое превосходство над Сазоновым, прекрасно понимая, что тому некуда деваться. Рабочее место в наше время, знаете ли, достаточно ценная штука.

Сазонов плелся за директором по длинному коридору, временами испытывая навязчивое желание двинуть ему пару раз по загривку или поднять его за шманты и встряхнуть пару раз. Не нравился ему этот самодовольный урод, и все тут.

На середине пути Сазонов тормознул.

– Ну, что там еще?

– Так с детьми что делать? Они ждут меня.

– В первый раз, что ли? Скажешь, что был у меня на совещании.

– Точно. Как это я сразу не догадался, – почесал макушку Сазонов, мысленно представляя, как прямым правой отправляет директора в нокаут.

Он уже ненавидел себя за то, что утром не пораскинул мозгами и все-таки приплелся на работу, вместо того чтобы, скажем, дремать сейчас на кровати и потягивать холодное пиво. Теперь придется сидеть с этим толстяком, возмнившим себя пупом земли, в его роскошном кабинете и выслушивать его однообразный и унылый бред, смысловое содержание которого от пьянки к пьянке оставалось неизменным.

Вдобавок ко всему дело не обходилось без тошнотворных тостов и тупорылых анекдотов, рассчитанных на недоразвитых личностей. Ко всему прочему в джентльменский набор входили подколки над Сазоновым, что он, дескать, такой тупой здоровяк, а все-таки работает учителем.

Обычно в такие моменты Сазонов изо всех сил сжимал кулаки и зубы, чтобы сдержаться и не вмазать этому придурку, чтобы тот не опрокинулся, как кукла, вместе с офисным креслом.

Пройдя длинным коридором, стены которого были выкрашены бледно-голубой краской, Сазонов с директором поднялись по лестнице на третий этаж и зашли в холл, с виду казавшийся обычным, но внутри которого было два кабинета.

Обстановка в холле намекала на то, что здесь работают не какие-нибудь там горемыки, а люди солидные, власть предрежащие, уважаемые люди не только города, но и страны.

Потолок был высоким, под три метра, так что Сазонов при всем своем желании не смог бы дотянуться до него рукой, ноги утопали в пушистом ковре, а стены были отделаны красным деревом.

Помимо всего прочего здесь был огромный кожаный диван для посетителей и еще стоял журнальный столик. Все это барахло директор то ли выписал на бюджетные деньги из-за границы, то ли ему подсобили чьи-то родители, которые кровь из носу хотели, чтобы их «гениальное» чадо училось в элитном образовательном заведении.

«Тоже мне, элита страны, – подумал про себя Сазонов, пока директор возился с ключами от кабинета. – Ничего толком не знают. Ни истории, ни русского языка, ни искусства, да и не хотят знать. Им только подавай ночные клубы, дорогие тачки и побольше развлечений, да все за родительские бабки, потому что сами даже вшивую копейку заработать не в состоянии. Отдали бы их мне на перековку на пару месяцев, я бы быстро им мозги вправил. А то все носом крутят и бегают жаловаться на меня, что, мол, слишком прессую. Эх вы, молокососы! Вы еще не знаете, как прессуют по-настоящему...»

Директор, провозившись со связкой ключей добрые пять минут, наконец-то открыл дверь и, пошарив рукой по стене, нажал на выключатель. Загорелся яркий свет.

Неизвестно, откуда директор взял эту дурость, но и в дневное время суток он предпочитал закрывать единственное окно жалюзи. Конечно, тут можно было бы предположить, что директор больше всего на свете боялся киллеров, но, с другой стороны, Алексей слабо в это верил. Кому нужен директор какой-то школы, пускай даже и элитной? Зачем бандитам заниматься такой мелочовкой, когда в Тбилиси хватает предприимчивых и богатых нуворишей, которым можно предложить свою протекцию или банально поставить на счетчик?

Сам кабинет по форме напоминал пенал и был довольно просторным. Здесь стоял сервант с коньяком, над столом висел портрет самого директора, а большой стол вечно был завален какими-то бумагами.

– Как там говорят у русских? – ухмыльнулся директор, усевшись в черное кожаное кресло. – В ногах правды нет... Так?

– Так, – подтвердил Сазонов.

– Ну, так чего ты стоишь как пень? Садись!

Как ни странно, но директор говорил на чистейшем русском языке без какого-либо намека на акцент, а все потому, что длительное время проживал в Москве и даже окончил там педагогический университет.

Нагнувшись, директор с видом заправского фокусника извлек из-под стола заранее припрятанную бутылку вина. Оттуда же вытащил и два бокала. Небрежно плеснул себе и Сазонову.

– С тебя тост.

«Вот непруха, – расстроился Сазонов, заставляя свои шестеренки крутиться быстрее. – Еще и тост. И чтоб оригинальный. В прошлый раз подсмотрел в Интернете, так он обиделся и разорался, что я его за дурака держу».

Как ни напрягал свой мозг Алексей, но с похмелья соображалось очень плохо, поэтому он выдавил из себя какую-то стандартную банальщину. Правда, на этот раз директор только кисло поморщился и обошелся без словесной критики.

Винцо оказалось забористым, а бутылка не в единственном экземпляре, поэтому уже через каких-то полчаса Сазонов наклюкался до невообразимого состояния, чувствуя, как по всему телу разливается блаженная истома.

Голос директора, хваставшегося своими достижениями, доносился откуда-то издалека.

Обхватив голову руками, Сазонов помотал ею, словно хотел свернуть себе шею. В ушах звенело, как будто его контузило после взрыва гранаты.

Тупо уставившись на директора, Алексей сделал пару решительных глотков и уничтожил содержимое бутылки.

– Еще по одной? – пошатываясь, директор достал из шкафа очередную бутылку, поднес ее к глазам, толком не понимая, что там, то ли коньяк, то ли вино, а потом просто махнул рукой, мол, какая разница, чем заправлять «баки».

– Хватит, – медленно процедил Сазонов и поднял руку, приказывая директору остановиться.

– Что «хватит»? – оскорбился директор, по замысловатой траектории рухнув в свое кресло и едва не опрокинув его. – Тут я командую, а твое дело, Сазонов, мне подчиняться. Сам знаешь, какая тут у нас дисциплина. Шаг вправо, шаг влево – расстрел.

Неизвестно, что произошло бы дальше, так как Сазонов, позабыв о всякой осторожности и служебной субординации, собирался отправить директора по известному всем в Советском Союзе адресу, если бы не постучали в дверь кабинета.

Стук повторился несколько раз, прежде чем директор очухался и засуетился.

– Мать твою, – пробормотал он. – Это же проверка!

Сазонов рывком поднялся со стула и едва не опрокинул стол. Бутылка, упав на пушистый ковер, к счастью, не разбилась.

– Куда? – пьяно и невнятно спросил директор, покачиваясь на непослушных ногах.

– В окно.

Весь риск свернуть себе шею и, чего доброго, переломать все ноги лежал на Сазонове, который за доли секунды решил освежить профессиональные навыки, не раз выручавшие его в боевом прошлом.

– Ну, лезь, – равнодушно махнул рукой директор. – Только это... Если чего сломаешь себе, то я тут ни при чем. Был бухой и через окно полез в мой кабинет. Мне придется тогда тебя уволить. Все понятно? Так что без обид, Сазонов.

Алексей кивнул, мутным взглядом ища площадку для приземления.

В его глазах все плясало, совсем как в далекие времена, когда в армейской части он выпил много спирта, а ночью их подняли по боевой тревоге и бросили на завоевание какой-то высоты.

Он, забравшись на подоконник, открыл окно, и в кабинет ворвались порывы свежего ветра. Выглянув в окно, Сазонов убедился в том, что водосточная труба никуда не девалась и выглядит достаточно надежной.

Он вылез из окна, поспешно обнял трубу левой рукой, словно за талию свою любимую девушку, и, чтобы кулем не рухнуть вниз, переместил на трубу и правую руку, после чего полез по ней вниз совсем как Маугли по дереву, помогая себе ногами.

«Талант не пропьешь, – с удовлетворением подумал Алексей, тщательно вытирая грязные руки о брюки после успешного спуска. – Пьяный ты или нет, а по ощущениям как будто всю жизнь только по деревьям и лазил».

Повертев головой по сторонам, он убедился в том, что за ним никто не наблюдает, и шатающейся походкой довольного своей жизнью человека двинулся к своему двухколесному другу.

Как выяснилось на практике, спускаться пьяным по водосточной трубе для Сазонова оказалось более легкой задачей, чем передвигаться на своих двоих по земной тверди. Путь, вначале казавшийся таким коротким, сделался невероятно трудным.

Носками туфель при каждом сделанном шаге Сазонов цеплял землю, словно примеривался ударить по футбольному мячу. Его шатало из стороны в сторону, как на палубе корабля во время сильного шторма. И один раз Сазонов даже чуть было не рухнул наземь, но ему вовремя помог руль велосипеда, за который он, падая, успел схватиться и благодаря этому своевременному движению смог сохранить равновесие, а возможно, и свою репутацию.

Кто его знает, школьники, вооруженные последними технологиями, запросто могли записать его на камеру обычного мобильного телефона и потом предъявить эти, мягко говоря, интересные материалы директору или, что еще хуже, разместить их в Интернете, и уже буквально через сутки каждый уважающий себя интернетчик знал бы о «подвигах» учителя русского языка и литературы из элитной школы, да еще при американском посольстве.

Мысленно послав далеко-далеко всех своих недругов, Сазонов сел на свой велосипед и, неуверенно крутя педали и вихляя рулем из стороны в сторону, выехал за пределы школьного двора, снова чуть было не «поцеловавшись» с опущенным шлагбаумом.

Глава 3

Белый «порше кайенн», басовито урча мощным двигателем, солидно и неторопливо переваливался с ухаба на ухаб, со стороны смахивая на хищника, который знает себе цену и поэтому даже не собирается суетиться.

Эта машина могла вызвать приступы сильнейшей удушающей зависти даже у человека, не сведущего в автомобилях и знакомого с ними только по картинкам в многочисленных глянцевого журналов.

Окна авто были наглухо затонированы. На лобовом стекле сбоку красовался спецпропуск. Рельефный капот походил на акулю морду. Агрессивный радиатор не оставлял никаких сомнений в гигантской мощности двигателя. Передвигалось это чудо инженерной мысли на огромных хромированных двадцатидюймовых дисках, каждый из которых тянул на годовой заработок любой местной деревни.

Салон, понятное дело, тоже был отделан на высшем уровне. Мягкая и нежная кожа каких-то там ягнят, никакой пластмассы – сплошное дерево, акустика на уровне концертного зала и понатыканные везде дисплеи для просмотра видео.

В машине сидели трое молодых людей, со скучающим видом передающих друг другу изящную трубку. Судя по внушительному блеску наручных часов, они представляли собой типичный образчик золотой молодежи без определенных занятий, для которой основная проблема жизни из года в год заключалась в бесконечной борьбе со скукой. Эта борьба, надо сказать, протекала очень вяло, о чем и свидетельствовал сладковатый дымок легких наркотиков. Впрочем, легкие наркотики среди бравых парней считались детской шалостью. Не зазорно сделать пару затяжек в дружеской компании и, находясь под воздействием наркотического дурмана, совершить какой-нибудь эксцентричный поступок антиобщественного характера. А если папаша ошивается в высших эшелонах власти, то об уголовной ответственности можно даже не задумываться и смело творить такой беспредел, на какой только способна фантазия.

Сидевший за рулем молодой человек с пухлым и по-детски невинным лицом был уже далеко не ребеночком. Согласно последним тенденциям мировой моды он был слегка небрит и сильно надушен.

«Нормальная ситуация, – подумал Малхаз Гогнадзе, лениво работая челюстями и чувствуя, как ротовая полость наполняется мятным вкусом. – Если отец подогнал новые котлы из Швейцарии, да еще лимитированной серии, почему бы не показать? Пусть знают подонки, что Малхаз Гогнадзе – это не какой-то там бедняк».

Впрочем, судя по блаженным лицам его дружков, им было наплевать и на швейцарские часы, и на машину, и на все остальное в этом брэнном мире. Их душили взрывы дурашливого хохота, который неизбежно возникал каждый раз после совместного раскуривания травки.

Ну и Малхаз Гогнадзе курнул пару раз. На тот случай, если бы в городе его рискнул остановить какой-нибудь вшивый дэпээсник, у Малхаза Гогнадзе был телефонный номер влиятельного чиновника, хорошего приятеля их семьи.

Однажды Малхаз Гогнадзе сел пьяный за руль и, как назло, попался ментам. Он возвращался с какой-то крутой попойки, и, когда на въезде в город его остановили, Малхаз, нисколько не стесняясь своего плачевного состояния, просто-напросто вывалился из роскошного «туарега». Его попытались заставить подышать в трубку, на что он послал ментов куда подальше, а потом заплетающимся языком переговорил со своим покровителем и передал свой «верстак» одному из служителей порядка.

С ментов мигом слетела вся спесь. Они вытянулись перед Малхазом Гогнадзе, как солдаты перед командиром, а он, конечно, не смог удержаться от соблазна сорвать погоны с

плеч попавших впросак блюстителей закона, а затем отхлестал их этими погонами по морде, попутно выслушивая их извинения.

Сегодня был как раз один из тех дней, когда Малхаз Гогнадзе брал отцовский «кайенн» и наворачивал круги по Тбилиси, по настроению разгоняясь до сотни километров в час, либо выезжал со своими корешами за город, где вволю палил в небо из автомата, а если был пьяным, то мог издалека пустить шальную очередь по отаре овец.

Отец смотрел на его забавы сквозь пальцы: по молодости он и сам любил порезвиться.

Сегодня Малхаз, как всегда, не знал, чем заняться, и со скучающим видом ездил по тбилисским улочкам. Иногда, когда мимо проходили местные красотки, он притормаживал и его верные друзья начинали зазывать девушек в салон автомобиля. Они всюю улыбались и со стороны могли показаться образцовыми мужиками, о которых мечтает любая вменяемая женщина. Правда, когда девушки садились в машину, ситуация разворачивалась каждый раз однообразно и без всяких романтических соплей. Для начала за качественный секс предлагались неплохие деньги в размере нескольких средних зарплат; если же материальные посулы не действовали на сознание юных девушек, то в ход шли угрозы и клятвенные заверения в том, что у девушек в случае их отказа вся жизнь пойдет наперекосяк. Если же и это не помогало добиться сексуальной близости и девушки начинали испуганно кричать и царапаться, пытаясь выскочить из машины, то в ход шли другие средства усмирения, например скотч.

В конце концов Малхаз с друзьями детства добивались своего и, утолив жажду женской плоти, становились на порядок добрее и даже давали девушкам деньги за оказанные услуги и на такси.

Обычно эти деликатные моменты все же решались без насилия. Многие девушки прельщались материальными благами и трахались с удовольствием, после чего эти парни и девушки вваливались всей ватагой в какой-нибудь ресторанчик и устраивали там гульбища до утра, своими криками мешая отдыхать жителям близлежащих улиц.

Порой Малхаз ощущал такую сильную скуку, что скулы сводило, но даже не пытался что-то изменить. Да и что можно изменить? Шляться, что ли, по театрам или торчать, как ботаник, в библиотеке?

Нынешняя жизнь, за исключением скуки, Малхаза полностью устраивала, и вряд ли он мог выдумать для себя что-то лучшее, чем нынешнее времяпрепровождение.

– Куда едем? – на всякий случай спросил Гогнадзе, хотя он и сомневался, что после отменной голландской дури его друзья еще способны о чем-то думать.

– Не знаю, – чуть заикаясь, процедил тот, что сидел рядом с Гогнадзе.

– В конец обдолбались... – то ли спросил, то ли констатировал Малхаз, всем телом ощущая навалившуюся на него апатию.

Он достал из кармана джинсов пачку сигарет и, щелкнув золотой зажигалкой, закурил.

– Да мы уже объездили весь Тбилиси!

– Домой я не поеду, – категорически возразил Гогнадзе, словно его заставляли это сделать, и стряхнул наросший на рдяном кончике сигареты пепел через приоткрытое окошко. – Мне нельзя показываться дома в таком состоянии.

Отец мог спустить ему с рук все что угодно, но только не наркотики. В такой ситуации Малхаз рисковал получить пару раз по морде и лишиться всех финансовых дотаций, благодаря которым он всегда чувствовал себя на высоте среди своего далеко не бедного окружения.

– Может, еще пару косяков забьем?

– Гвозди тебе башкой забивать надо, – угрюмо ответил Малхаз. – Мозгов тогда, может, прибавится. Раз у вас нет никаких предложений, можно разок прошвырнуться по бабам. Это никогда не помешает.

Никаких логически обоснованных возражений на это заманчивое предложение не последовало, поэтому Гогнадзе вдавил педаль газа до пола, и машина, бешено заревев, помчалась в направлении центра Тбилиси.

Белый «кайенн» затормозил у ночного клуба.

– Кого трахать будем? Может, стриптизерш? – с надеждой в голосе спросил Зураб.

– Тебя оттрахаем. Прямо здесь, – с напускной серьезностью пообещал Малхаз и открыл дверцу машины.

Последний раз затянувшись сигаретой, фильтр которой уже горчил, Гогнадзе бросил окурок под ноги и поправил свою кожанку, подчеркивавшую ширину плеч ее обладателя и его немалый достаток.

У клуба уже кучковались многочисленные компании, которые приперлись сюда, судя по всему, с теми же целями, что и Гогнадзе со своими друзьями.

На стоянке было не протолкнуться, и от обилия дорогостоящих спорткаров рябило в глазах и создавалось впечатление, что именно здесь проводится Женевский автосалон.

Фейсконтроль был жестким, и с зарвавшимися молодчиками, позволявшими себе неприличные высказывания в адрес сотрудников клуба и тем более рукоприкладство, никто не дискутировал. Те, кто упирались и неосторожно размахивали руками, запросто могли отхватить несколько раз по кумполу от шкафоподобных охранников.

Малхаз, нагло протискиваясь вперед, активно работал локтями, прямо как ледокол, прокладывая свой путь через торосы. Зная положение своего отца и свое собственное, он с людьми не церемонился, частенько воспринимая их как ресурс, которым можно воспользоваться в своих целях. Уважение и прочие гражданские обязанности он давно оставил для конституции, предпочитая жить по старинке, так, как жили его предки, то есть по закону гор, где прав тот, кто сильнее, а не тот, у кого за пазухой справедливость и комплекты юридических документов.

Если бы его отец придавал этим бумажкам слишком много значения, то вряд ли бы он решился на рейдерский захват нескольких заводов и фабрик, в одночасье став мультимиллионером и, соответственно, уважаемым в обществе человеком. Да и зачем тогда ему было бы заниматься прочей нелегалщиной, вроде крышевания многочисленных казино, вымогательств и проституции?

Малхаз уже убедился в том, что сила закона превращается в бессилие, если у тебя есть нужные подвязки и правильные люди, которые по одному звонку за разумную плату готовы решить любой проблемный вопрос.

На входе он повстречался взглядом с фейсконтрольщиком, и тот приветливо ему кивнул, жестом руки скомандовав охранникам освободить проход для дорогих гостей.

Толпа за спиной возмущенно загудела. Это был клуб для избранных, и считалось настоящим позором, если тебя не пропустили, а посоветовали обновить гардероб или поучиться хорошим манерам.

Небольшой холл был затянут клубами сизого дыма. Здесь курили и, находясь в нетрезвом состоянии, срочно решали какие-то важные вопросы, эмоциональное обсуждение которых было слышно всей округе.

Малхаз Гогнадзе был здесь не впервой, его знали как завсегдатая этого заведения и радостно приветствовали. Это радушие объяснялось тем, что частенько Гогнадзе, находясь в состоянии алкогольного опьянения и желая показать всем свою удаль, угощал всех желающих выпивкой, и шампанское в клубе текло тогда рекой.

Однажды нечто подобное он хотел провернуть на Сардинии, но там злосчастный пластик, заблокированный из-за ссоры с отцом, дал сбой, и Гогнадзе, просадившему пару десятков тысяч евро, пришлось ретироваться с острова как можно скорее.

Друзья Гогнадзе на его фоне меркли. Малхаз брал их с собой, как зонтик на случай дождя, да и скучно было одному слоняться по Тбилиси. А так можно и покуролесить шумной компанией, а если начнется какая-нибудь серьезная заварушка, то и поучаствовать в ней.

В этом ночном клубе регулярно вспыхивали разборки между гостями, и чаще всего они оканчивались банальной поножовщиной или пальбой. Чтобы гости утихомирились и пришли в себя, вызывали полицейские спецподразделения, которым нередко, учитывая высокий статус гостей клуба, приходилось улаживать конфликт в дипломатическом порядке.

Все это время обкуренные дружки Малхаза раздражающе хихикали. Они видели перед собой то ли летающих фиолетовых слонов, то ли ползающих оранжевых обезьян и, как дети, тыкали пальцем в то, что им понравилось или их удивило.

Во избежание репутационных потерь этот детский сад нужно было прекращать, и Малхаз недовольно нахмурился. Сколько раз было, что эти ублюдки, обкурившись или нюхнув чего, искали на свою задницу приключений и втягивали его в различные передраги.

Сегодня Гогнадзе хотел обойтись без приключений: вылакать всего лишь несколько порций вискаря или нюхнуть кокаинчика и расслабленно поваляться на диване с какой-нибудь приятной бабой.

– Ведите себя нормально, придурки, – прошипел он.

– Что не так? – обиженно спросил Зураб и тут же переключился на Жано, показывая на него пальцем и давась очередным приступом смеха.

Понимая, что воспитывать их бесполезно, Гогнадзе обратился к администратору:

– Где моя поляна?

– Простите, не понял, – вежливо улыбнулся администратор.

– Баранья твоя башка! Я спрашиваю, где мой стол! Малхаз Гогнадзе никогда и никого не ждет!

В ответ последовала подобострастная улыбка, и уже через несколько минут Малхаз развалился на мягком диване, наблюдая за танцовщицами. Как он уже неоднократно проверял на собственном опыте, здесь не работало ни одной девушки, которая не согласилась бы за пару тысяч зеленых скоротать с ним ночь.

Деньги не имели для Малхаза большого значения, поэтому он сорил ими направо и налево. Те девушки, которые пробовали его «динамить», в следующий раз получали от Малхаза по полной программе. Владельцы клуба старались исполнить любой его каприз, ведь для них Гогнадзе был курицей, несущей золотые яйца. Он и сам это прекрасно понимал, поэтому и вел себя так развязно.

Университет Гогнадзе так и не закончил. Он не любил обсуждать эту невыразительную деталь своей биографии, предпочитая бормотать что-то невнятное в свое оправдание. Да и университетские будни давно затерялись в его воспоминаниях.

Когда-то его, зеленого юнца, отец отправил в Москву набираться ума-разума. Эта затея, как выяснилось впоследствии, оказалась из разряда утопических. Вдали от родных пенатов Малхаз пустился во все тяжкие. Учеба его совершенно не интересовала в отличие от прославившихся на весь мир своей красотой русских девушек. Надо отдать ему должное: ухаживал он красиво, не скупился на подарки, и вскоре с ним мечтала переспать вся женская половина факультета, чем Малхаз активно и пользовался. Все его силы без остатка вымывали любовные игры, и после интенсивных постельных сражений Малхаз был не в состоянии сосчитать дважды два без ошибки, а тут еще в самый разгар веселья и сессия подошла.

Он рассчитывал отделаться малой кровью, заплатив каждому преподавателю по паре штук, чтобы они проставили ему в ведомость положительные оценки, однако этот грандиозный план с треском провалился. Пришлось звонить отцу и выслушивать от него потоки ненормативной лексики.

Пару раз отец впахивал своего отпрыска обратно в МГИМО, но каждый раз Малхаз умудрялся вылететь снова, и все из-за пылкой своей любви к красивым девушкам. Он не мог рядом с ними учиться, особенно учитывая весенне-летний период, когда всюду бушевали гормоны и Гогнадзе искренне недоумевал, зачем ему думать о каких-то проблемах международной экономики, когда вокруг столько красоток.

Вот и окончились его университеты тем, что отец просто-напросто махнул на все рукой и забрал Малхаза обратно в Тбилиси, чтобы, чего доброго, у сына не поехала крыша. Тем более на родине его ждали серьезные дела. Несмотря на юный возраст, на Малхаза уже можно было повесить добрый десяток статей из Уголовного кодекса. Отец был им доволен.

Гогнадзе, чувствуя, что его тянет в непреодолимый сон, сделал знак рукой Зурабу. Тот приблизил к нему свое заплывшее лицо и дышал перегаром.

– Зураб, возьми у дилера что понюхать. Мне надо взбодриться.

– Сейчас сделаем, – лениво ответил Зураб и чуть ли не сполз с дивана. Ноги его держали слабо, и, выписывая причудливые траектории, он вскоре затерялся в толпе отдыхающих.

От Зураба с Жано никакого толку не было. Гогнадзе даже пожалел о том, что взял их с собой. Слишком сильно на них действовала травка, они превращались в овощи.

Зураб вернулся с конвертом и многозначительно потряс им.

– Я пойду первым, – предупредил приятелей Малхаз и забрал у Зураба конверт.

Зайдя в общественный туалет, он пошарил взглядом по сторонам и не заметил ничего подозрительного. Только после этого Малхаз извлек из конверта пакетики с белым как снег порошком. Надкусив уголок зубами, Гогнадзе высыпал кокаин на стеклянную полочку, затем пластиковой карточкой сделал дорожку и вдохнул ее поочередно правой и левой ноздрями. Он так увлекся, что даже не оставил ничего Жано и Зурабу.

«Как-нибудь перебьются», – Малхаз махнул рукой, умылся и вышел из сортира.

Он любил нюхать кокаин хотя бы потому, что после этого мир представлял перед ним в совершенно ином свете. Он чувствовал себя его хозяином и верил в то, что ему все можно, а если кто-то и попытается помешать, то он, недолго думая, уберет его со своей дороги.

Уже издали обманчиво бодрый Малхаз заметил, что к их столику подошла группа парней. Даже обкуренные Зураб и Жано мгновенно притихли.

В пустом мозге одна за другой стали появляться беспокойные мысли. «А что, если это пришли по мою душу? – тревожно подумал Малхаз, укрываясь за ближайшей колонной и внимательно наблюдая за происходящим. – Какая-нибудь служба по контролю за оборотом наркотиков. Вначале взяли дилера с поличным, немножко с ним поговорили, пообещали, что отмажут, он и раскололся».

Гогнадзе не знал, что делать. То ли отсидеться где-нибудь в клубе, то ли уйти или, плюнув на все свои страхи, вернуться за стол и продолжить гулянку. В конце концов, с чего это он решил, что пришли именно за ним? Может, просто так подошли, спросить что-нибудь или с наездом. Ну так он подойдет сейчас, назовет свою фамилию, и все вмиг рассосется, а если этого окажется недостаточно, наберет телефонный номер старшего брата, который в течение минуты уладит все неурядицы.

Малхаз, чувствуя, как картинка плывет и дрожит перед глазами, словно он смотрит допотопный телевизор, у которого хронические проблемы с кинескопом, напрягся, заметив, что один из подошедших парней слишком уж похож на его старшего брата Вахтанга.

Находясь в состоянии наркотического опьянения, Малхаз меньше всего на свете хотел встретиться со своим старшим братцем, исчерпывающей характеристикой которого была жестокость.

Надо ли было говорить, что такая встреча не сулила Малхазу ничего хорошего? В гневе Вахтанг был страшен и, особо не церемонясь, мог расквасить обидчику нос или выбить пару-тройку зубов вне зависимости от принадлежности последнего к числу его многочисленных

родственников. Поэтому окружающие, отлично изучив паскудный характер Вахтанга, старались его не провоцировать и деликатно уходили в сторону, избегая назревавшего конфликта. Да и тут надо вспомнить, что Вахтанг когда-то по молодости увлекался боксом и греко-римской борьбой. Талант есть талант, и по всему Тбилиси были наслышаны о боевых способностях Вахтанга, который, чтобы не утратить столь ценные навыки, применял их при каждом удобном случае.

В какой-то момент Малхазу показалось, что вся его недолгая жизнь стрелой промелькнула перед глазами, сверкнув калейдоскопом событий яркого детства и поблекнув в привычном наркотическом угаре, в котором он безнадежно увяз в последние годы.

Он, не дыша, спрятался за колонной.

Страх волнами накатывал из темных глубин его души. Существование последней не беспокоило Малхаза, но почему-то в стрессовых ситуациях он сразу вспоминал о том, что все-таки существует высшая сила, которая обязана его спасти.

Вахтанг, вместо того чтобы убраться восвояси, сам того не зная, окончательно разрушил надежды Малхаза, разместившись со своими корешами за столиком с Жано и Зурабом, которые заметно приуныли и уже не выглядели такими самоуверенными.

«Как в штаны наложили, – неприязненно подумал Малхаз о своих дружках, не спеша выходить из-за колонны, которая сейчас казалась ему лучшим укрытием. – Могли бы и эсэм-эску сбросить, предупредить... Хотя что возьмешь с этих обкуренных идиотов? Сидят перед Вахтангом, как кролики перед удавом. Нет, наверно, пора уже завязывать с наркотой. Если отец узнает, то мне будет полный каюк. Засунут в какую-нибудь клинику за границей и заберут все деньги».

Мысль о том, что пора завязывать с наркотиками, посещала Малхаза неоднократно. Он с завидной регулярностью планировал бросить свою любимую привычку, но каждый раз откладывал принятие столь важного решения и спустя какое-то время брался за старое, не в силах справиться с манящим соблазном. Несмотря на обилие развлечений и материальное благополучие, жизнь казалась Малхазу слишком пресной и однообразной. Можно было, конечно, сменить картинку и умчаться на пару недель на острова Карибского бассейна, но что делать, если при одной мысли о длительном перелете к горлу подступала мерзкая тошнота? В разы проще курнуть или нюхнуть чего-нибудь и организовать себе рай в привычной и знакомой с детства обстановке.

Тут в голову Малхаза пришла еще одна неприятная мысль: «Что, если Вахтанг заметил, что эти придурки укурились в хлам, и просто ждет меня, чтобы хорошенько накостылять?»

Еще раз подумав о своем незавидном положении, Малхаз понял, что, пока не поздно, нужно покинуть свое укрытие и вернуться за столик. Если Вахтанг спросит, почему его так долго не было, он скажет, что выяснял отношения со знакомой телкой, которая все никак не оставит его в покое.

Копаться в чужом грязном белье Вахтанг не станет. Тем более у него самого хватает проблем со своими шалавами. Вахтанг по жизни был слишком любвеобильным, пускаясь в догонку за любой юбкой.

Приняв решение, Малхаз вдохнул и выдохнул несколько раз, поправил прическу и, удивившись, что ситуация за столиком абсолютно не изменилась, уверенной походкой вышел из-за колонны, сделав при этом небольшой крюк, якобы он возвращался из уборной.

На всякий случай, чтобы его не выдали расширенные зрачки, Малхаз прикрыл глаза солнцезащитными очками квадратной формы, в которых он был похож на итальянского мафиози.

За столиком стояла гробовая тишина, и со стороны происходившее напоминало базар на стрелке, когда одна сторона, чувствуя свое превосходство, ведет себя дерзко, а другая сторона боязливо молчит, думая только о том, как бы это выкрутиться из щекотливой ситуации.

При появлении Малхаза Вахтанг поднялся из-за стола.

– Брат!

– Вахтанг! – непослушным от страха голосом воскликнул Малхаз, чувствуя, как у него подкашиваются ноги.

Он шмыгнул пару раз носом. После кокаина ноздри становились особенно чувствительными.

– Где ты был? – поинтересовался Вахтанг, похлопав брата по спине.

– С телкой базарил. Не понимает, что уже все закончилось.

– Нормальная? – уточнил Вахтанг, улыбаясь во все свои тридцать два зуба, сверкнувшие мелкими бриллиантами, которые ему туда вставил крутой дантист, делавший челюсти голливудским актерам.

– Я пьяный был, вот и спутался с ней.

– Знаю я твоих баб! – Вахтанг пренебрежительно махнул рукой и плюхнулся на мягкий диван. – Меньше бухать надо, тогда начнешь разбираться в женщинах.

Малхаз слабо улыбнулся, ликуя, что Вахтанг, кажется, не заметил его наркотического опьянения, иначе диалог получился бы до безобразия коротким и болезненным.

– Что сопли жуετε? – продолжал активничать Вахтанг, на этот раз избрав мишенью своих острот Жано и Зураба. Те сидели кислые, словно по ошибке глотнули шампуня. – Занялись бы лучше делом, чем шляться по кабакам.

Малхаз махнул рукой, подзывая к столику официанта.

– Принеси нам «Калифорнию» и «Филадельфию» на всех.

Официант, кивнув, тут же ретировался.

За Гогнадзе-младшим в Тбилиси давно закрепилась слава знатного гуляки и дебошира, расточительного и в то же время обаятельного подонка. Привычка сорить деньгами была у Малхаза в крови. Обслуживающий персонал любого элитного заведения города знал, как ему угодить, чтобы получить сотню-другую долларов на чаевые.

Друзья Вахтанга угрюмо цедили виски и время от времени выпускали клубы сигаретного дыма.

Вахтанг, развалившись на диване, сидел с таким видом, словно все это заведение было у него в кармане, и со стороны его можно было принять за хозяина этого кабака.

– Слышишь, Малхаз, давай отойдем. Нужно обсудить кое-что. Все равно жрачка еще в процессе.

Малхаз снова напрягся, почувствовав, что на его бледном лбу выступили мелкие бисеринки пота, свидетельствующие о том, что его опять начала душить тревога, посещавшая его ежедневно и отравлявшая его безмятежное существование.

– Завтра, может? – он все-таки попытался увильнуть от разговора, опасаясь, что при разговоре Вахтанг захочет посмотреть ему в глаза, увидит расширенные зрачки и сразу поймет всю его вялость и нежелание общаться на «сложные» темы.

На Вахтанга его возражение совершенно не подействовало.

– Слушай, брат, что за дела? Я тебе не девочка, чтобы завтра. Базар есть – нужно решить вопрос.

– Ладно, ладно, – устало вздохнул Малхаз, закуривая, – пойдем.

– Ждите нас здесь, – напоследок бросил Вахтанг своим друзьям, которые еле заметно кивнули в ответ. – Мы скоро вернемся.

Когда братья отошли от столика на порядочное расстояние, Вахтанг с нотками подозрения в голосе поинтересовался:

– Чего такой вялый? Сидишь как на похоронах. Что случилось?

– Траванулся какой-то гадостью утром, – пожаловался Малхаз, ощущая, как напряжение сковывает все тело стальным панцирем. – Все никак не отпускает...

Вахтанг, чуть сощурившись, пристально посмотрел на брата. Такой взгляд обычно не предвещал ничего хорошего ни для Малхаза, ни для других людей, рискнувших в этот момент оказаться на пути Вахтанга.

– Не рассказывай мне сказки. Я видел, как ты там корчился за углом. Думаешь, как шалава, на проспекте от ментов спрятаться? Со мной такая херня не пройдет, брат.

Они вышли из прокуренного холла на улицу, где по-прежнему толпились десятки страждущих попасть в ночной клуб.

Вахтанг, не обращая никакого внимания на многочисленных зевак, взял брата за шкуру, как какого-нибудь малолетнего правонарушителя, и, сопровождая свои действия отборной нецензурной бранью, затолкал его в свой черный внедорожник.

Малхаз оцепенело смотрел на брата, который тряс его, словно мешок с гнилой картошкой, и орал на весь салон авто, благо шумоизоляция и тонировка позволяли сделать конфликт незаметным снаружи.

– Ты долбаный ублюдок! Думаешь, что Вахтанг дурак? Наркоша конченный!

И Вахтанг отвесил ему несколько увесистых пощечин, предварительно сорвав солнцезащитные очки и в порыве ярости разломав их на пластмассовые ошметки.

– Вахтанг, не надо! Вахтанг! – слезливо бормотал и всхлипывал Малхаз, шмыгая в кровь разбитым носом.

Видел бы его сейчас кто со стороны – и этот ореол богатства, заносчивости и успешности был бы развеян за мгновения.

– Думаешь, я лох дворовый? Как будто я не вижу, что ты обдолбался в хлам! Где этот дилер? Ну, покажи мне его! Я сейчас все мозги ему вытрясу!

Малхаз прекрасно знал, где ошивается дилер, регулярно снабжавший его наркотой, но также он прекрасно знал, что сделает с дилером Вахтанг и что после такого инцидента все дилеры будут обходить Малхаза стороной, а ведь это немыслимо, потому что без кокаина с такой скучной жизнью он долго не протянет.

– Его здесь нет! Он уже уехал, – сбивчиво забормотал Малхаз, чувствуя, что еще десять-пятнадцать минут такого «терапевтического сеанса» – и ему придется сменить джинсы.

– Не свисти, – рявкнул Вахтанг и с перекошенным от злобы лицом сильнее сжал запястье Малхаза.

Тот уже обмяк, готовясь к неприятным последствиям сегодняшнего вечера. Вахтангу осталось совсем немного, чтобы перестать контролировать себя и как следует избить родного братца. Пара лишних слов только бы усугубила процесс, сделав его более длительным и болезненным, поэтому Малхаз стоически молчал, надеясь то ли перетерпеть неминуемые побои, то ли на какое-то чудо, которое едва ли могло произойти в просторном салоне джипа.

«Вот он, закон подлости в действии, – мелькнуло в голове у Малхаза, пока он пытался устроиться хоть как-то поудобнее, чтобы не ныла неудобно согнутая рука. – Пришел в клуб, чтобы развеяться, а напоролся на Вахтанга. Он что, следил за мной? Или, может, это Зураб с Жано постарались? Сдали меня как стеклотару, поэтому сидели такие притихшие...»

Малхаз не успел довести свою мысль о предательстве до логического завершения, потому что неожиданно Вахтанг отпустил его правую руку.

– Мне сейчас не до этого, – грозно предупредил он Малхаза. – Но обещаю, если еще раз такое дерьмо повторится, то я раскрашу всю твою физиономию. Ты представляешь фамилию древнего рода! Твои предки были князьями, сильными и уважаемыми людьми! Да за такое они бы порубили тебя на куски без лишних разговоров! Это мы все с тобой возимся... Как ты собираешься смотреть отцу в глаза? Он не для того тебя растил, чтобы ты нюхал кокс в клубах вместе с разной швалью! И дружкам своим передай, что, если еще раз увижу их рядом с тобой, головы посворачиваю на хрен! Все равно они им не нужны!

Малхаз, ничего не отвечая и все еще не веря своему счастью, методично растирал нывшее запястье.

– Ты совсем перестал заниматься делами, – сердито поучал младшего брата Вахтанг. – Думаешь, деньги берутся из воздуха? Отец сказал, чтобы сегодня подъехали на деловую встречу с нашими новыми партнерами. Намечается серьезная сделка. Мы не можем ее прощелкать. Если это произойдет, то мы упустим очень хорошую прибыль.

Малхаз смотрел перед собой отрешенным взглядом. Голос Вахтанга доносился откуда-то издалека и казался чужим.

– И приведи себя в порядок, – брезгливо заметил Вахтанг, поправив манжеты своей рубашки. – У тебя морда та еще. Покажешься в таком виде на встрече – все испортишь. Возвращайся в клуб, сожри свои суши и умойся в толчке. На все про все у тебя пятнадцать минут.

– Слишком мало, – неуверенно возразил Малхаз. – Я не успею.

– Не будешь успевать – я помогу, – сверкнув взглядом, ответил Вахтанг.

Малхаз хлопнул дверцей и вышел из машины на свежий воздух. У него закружилась голова, и он, шатаясь как пьяный, поплелся обратно в клуб.

По возвращении Малхаза из клуба вся компания, за исключением Жано и Зураба, которые поехали домой на такси, расселась по двум машинам. Во второй поехали друзья Вахтанга, а в первой расположились братья с личным водителем.

– С кем будет встреча? – мимоходом поинтересовался Малхаз, торопясь запихнуть ролл в рот, прежде чем машина вздрогнет на очередной дорожной пробоине.

– С каких это пор ты стал интересоваться бизнесом? – усмехнулся Вахтанг, всю дорогу сосредоточенно смотревший в окно, что говорило только об одном: настрой у него серьезный. – В этих делах замешаны большие люди. Они из политики. Остальное не имеет значения.

– Тогда зачем мне ехать? – пробубнил под нос Малхаз, которого после пережитого стресса начало клонить в сон.

– Так надо. Все бумаги в этом деле будут заканчиваться на тебе. Ты чист как стеклышко. Мне и отцу нельзя светиться. Твое имя вряд ли вызовет какие-то подозрения. Да и глянь на себя. Кому нужен какой-то мажор, который ходит по ночным клубам и кабакам?

Малхаз ничего не ответил на насмешливую реплику Вахтанга, размышляя о том, во что его собираются впутать. Не задавая лишних вопросов, он понимал, что дело мутное, сулит много неприятностей и риска, но, судя по всему, прибыльное, поэтому игра стоила свеч.

– А если что-то пойдет не так? – осторожно уточнил Малхаз, пытаясь сообразить, можно ли еще выпутаться из этой паутины неопределенности.

Меньше всего на свете ему хотелось вляпаться по уши в очередное дерьмо. Жизнь и так в последнее время его не радовала. Конечно, примитивным обывателям с узким жизненным кругозором легко говорить, что, мол, он с жиру бесится и не знает, на что просадить деньги.

«Побыли бы в моей шкуре, – угрюмо подумал Гогнадзе-младший, – я бы на них тогда посмотрел. Хорошо рассуждать со стороны. А вот вы попробуйте обойдите все рестораны и клубы за год. Да какое там за год! Пару месяцев...»

Вахтанг бесцеремонно оборвал размышления младшего брата:

– Ты только там, на встрече, языком не ляпай и не обещаешь лишнего. С этими людьми не нужно шутить. Это долгосрочный и перспективный проект.

– А если не выгорит? – лениво поинтересовался Малхаз, руководствуясь исключительно духом противоречия.

Вахтанг бросил на него многозначительный взгляд:

– Тебе лучше об этом не думать. Если сделка сорвется по нашей вине, то можешь считать, что мы покойники.

– И поэтому ты решил впутать меня в это дерьмо! – вскипел Малхаз.

– Если тебе что-то не нравится, можешь вываливаться из этой машины! – раздраженно предложил Вахтанг, смерив брата насмешливо-презрительным взглядом. – Ты мужчина или нет? Надо быть полнейшим идиотом, чтобы отказываться от многомиллионного контракта.

– А кто сказал, что я отказываюсь?

– Тогда сиди и помалкивай.

– Долго еще ехать?

Малхаз еле сдерживал подступавшую к горлу тошноту. То ли еда оказалась несвежей, то ли давали о себе знать наркотики, а может, и все вместе взятое. Вдобавок ко всему его била нервная дрожь...

Через полчаса джипы притормозили около коттеджа на окраине Тбилиси, остановившись напротив ворот, аккуратно выкрашенных серой краской.

Вахтанг, подождав пару минут, достал из пиджака мобильный телефон и приложил его к уху:

– Мы на месте.

Ворота неохотно открылись, и со двора выехал черный «гелендваген», замызганный так, словно на нем неделями разъезжали по лесам и болотам и все забывали заехать на автомойку.

– Пойдем, Малхаз, – спокойно предложил Вахтанг и первым вышел из машины.

Они сели на заднее сиденье «гелендвагена», и машина, рыкнув двигателем, повезла их куда-то за город. Задние номерные знаки были так заляпаны, что их было не разглядеть и с двадцати метров.

В тонированное окошко сочился жидкий свет холодной луны. Кроме водителя и братьев Гогнадзе, в машине никого не было.

«Гелендваген», свернув с шоссе, поехал по проселку, изрытому колдобинами. Малхаз вопросительно посмотрел на Вахтанга, взглядом спрашивая, что все это значит. Вахтанг слабо кивнул, мол, не беспокойся, живыми доедем.

Машина остановилась аккуратно около опушки, на которой виднелись два смутных силуэта.

Братья Гогнадзе, с шумом подминая валежник, углубились в лес и подошли к незнакомцам, которые вблизи оказались совсем не такими страшными, какими представлялись изда-лека, и ни капельки не были похожи ни на вампиров, ни на призраков.

Обменявшись крепкими рукопожатиями, не называя имен, приглушенными голосами шпионов из низкобюджетных голливудских фильмов они приступили к деловым переговорам.

Малхаз все время молчал и внимательно слушал, хотя это удавалось ему с трудом, потому что после употребления наркотиков его внимание руководствовалось поговоркой «Через одно ухо влетело – через другое вылетело». Фактически весь переговорный процесс взял на себя Вахтанг.

Мужчины прогуливались по опушке и были очень похожи на мирных и безобидных горожан, задержавшихся допоздна на лоне природы.

– На каких условиях? – сухо спросил Вахтанг. – У меня есть связи на таможне, свои люди примут груз и доведут его до нас в целостности и сохранности. По финансам все остается в силе?

– Половина денег наличными до отправки товара, остальная после того, когда груз придет полностью. Расходы таможни за ваш счет.

– Весь товар сразу пускать не нужно. Частями. Например, три раза за неделю. И только после этого платеж, – возразил Вахтанг.

– Это че, лохотрон? Надо сразу платить, без оттяжек! – с нажимом сказал один из будущих деловых партнеров.

– Скоро только кошки родятся, – Вахтанг блеснул остроумием, позаимствованным у Остапа Бендера, хотя сомнительно, что эта фраза что-то говорила его оппонентам, которые едва ли за всю свою сознательную жизнь прочитали хотя бы десяток книг. – Когда товар будет

на месте, я проплачу. Если вас что-то не устраивает, – Гогнадзе пожал плечами, – дело ваше. Переправляйте груз сами и продавайте сами тоже.

Вахтанг повернулся и сделал Малхазу знак рукой, что, мол, раз крутят носом, то пора уходить.

Эта уловка оправдала себя в полной мере.

– Стой! Ты че такой четкий? Куда рвешь удила? Все будет по чесноку.

– По рукам. Только сделку оформим на него, – Вахтанг ткнул пальцем в сторону Малхаза.

– Нам без разницы. Деньги должны быть вовремя. День просрочки – сверху десять процентов от суммы. Неделя – и ты на том свете. Врубился?

– Не тупой, – огрызнулся Вахтанг, которому такой дворовый базар был настолько не по вкусу, что он в таких случаях ровнял собеседнику передний ряд зубов. Но этот случай был исключением, поэтому он только зло сверкнул глазами.

Переговорный процесс, несмотря на некоторые шероховатости, обошелся без эксцессов. Черный «гелендваген» с шофером, который молчал всю дорогу, как будто гвоздь проглотил, довез их до того же коттеджа, где Вахтанг с братом пересели в свой внедорожник и, не мешкая ни минуты, укатили в ночь, как принято говорить в таких случаях, в неизвестном направлении.

Глава 4

Юрий Якушев дрых до упора, подсознанием понимая, что возможность как следует выспаться выдастся ему еще не скоро. А если он будет в ближайшем будущем злоупотреблять сном, то тихо и незаметно под руководством наемного киллера, который застрелит его спящим, отойдет в иной мир, проще говоря, в небытие, которое, по Хайдеггеру, как изучал Юрий в университете, существует, но неясно, как оно там организовано и в каком виде он там будет представлен.

Озаботившись этой вечной проблемной категорией, краеугольным камнем любых философских систем всех времен и народов, зевнув пару раз для порядка, Юрий наконец-то продрал глаза и потер лицо руками, словно хотел убедиться в том, что с ним все в порядке.

Проснувшись, он не сразу понял, где находится, но спустя пару секунд в мозгу успешно восстановилась картина событий последних дней, и Якушев только тоскливо вздохнул, представив, что ему придется-таки выпутываться из всей этой катавасии.

Он не собирался играть в супермена и устраивать боевые стрельбища с выяснением «кто прав – кто виноват» в каменных джунглях, где человеческая жизнь с давних времен ценилась не больше копейки. Нет, он хотел для начала выбраться в безопасное место и уже там принять ряд важных решений и разобраться в сложившейся ситуации.

«Вот тебе и безопасность, – разочарованно подумал Юрий Якушев. – По мне, что на гражданке, что на Кавказе – один хрен. Там даже проще, хотя бы потому, что ты знаешь, откуда можно ждать врага. А здесь черт знает что происходит. Сплошные подставы, какие-то разборки и подленькие удары исподтишка».

Времени на размышления было не так уж много, и, чтобы не закипеть в праздных мечтаниях, валяясь, как заправский буржуа, в теплой постели, Якушев заставил себя подняться и сделал простенькую зарядку в духе советских физкультурников.

Размявшись, он отжался пятьдесят раз, после чего, тяжело вздохнув перед самой неприятной утренней процедурой, умылся несколькими пригоршнями холодной воды из ведра и потом фыркнул над миской для мытья посуды, утирая лицо не первой свежести махровым полотенцем, которое, судя по кислотоватому запаху, его приятель менял только по большим праздникам.

Мелкие неурядицы не выбивали Юрия Якушева из колеи рабочего ритма, он давно привык к тому, что жизнь вносит в его планы свои извечные и непредвиденные коррективы, поэтому относился к этому философски и, вместо того чтобы сотрясать воздух нецензурной бранью, засучив рукава, брался за дело.

Продовольственные запасы (в особенности запасы сухарей) были скудными и обещали вскорости закончиться, вследствие чего на лбу Якушева проступили глубокие складки: денег у него было негусто, а вступать в противоречия с уголовным законодательством Российской Федерации не очень-то хотелось. С другой стороны, он же должен был как-то питаться.

Юрий вскипятил воды, заварил чай, размочил сухари и намазал их тушенкой. Он свято верил в то, что завтрак всему голова и ни о какой продуктивности не может быть и речи, если первый прием пищи не задался. Кроме злости и раздражения, на выходе ничего хорошего не получится.

Пока сухарь напивался тушеночным соком, Якушев выглянул в окно и зябко повел плечами. Продолжал накрапывать мелкий и паскудный дождик, и погода не предвещала никаких изменений в лучшую сторону. Низко нависали свинцовые тучи, и с самого утра все кругом было мокрое и какое-то невыразительное из-за отсутствия яркого солнечного света.

Позавтракав, Якушев покинул свое временное пристанище.

«Мало радости в том, чтобы меня запеленговали по звонку с мобильного. Это не добрые дядьки-спасатели со спокойными сенбернарами, а скорее свора каких-то злых бандюганов, которым нужно меня ликвидировать, – рассуждал Якушев. – Вечно я кому-то мешаю. Как заноза в заднице. И поди объясни этим людям, что еще Кант говорил, что твоя свобода ограничивается свободой других. Они ведь живут по своим понятиям. Как там? Человек человеку волк».

Дачи словно вымерли. Скорее всего, дачники не решались высунуть нос из теплых и хорошо протопленных домов и баловались крепкими спиртными напитками, что, естественно, гораздо веселее, чем корячиться на опостылевших грядках в бесконечной борьбе за урожай.

Такая спокойная обстановка была на руку Якушеву, который предпочитал почем зря не светиться, руководствуясь народной мудростью «тише едешь – дальше будешь», которая не раз его выручала.

Выбравшись из дачного массива, Якушев поймал попутку, замызганный желтый «жигуленок», и, плюхнувшись на старенькое сиденье, которое жалобно скрипнуло, спросил:

– Куда путь держим?

– На Минск, – бодро ответил пенсионер, словно был уже знаком с Якушевым не меньше ста лет.

– Отлично, дедуля, – обрадовался Юрий. – Мне туда же.

– Сам откуда? Из Москвы? – покосился на него старик. – Говор-то у тебя не белорусский.

– Россиянин я, – мигом нашелся Якушев. – У меня девушка в Минске. Вот и еду к ней в гости.

Это объяснение выглядело правдоподобным, и старик, удовлетворившись им, не стал копать вглубь.

Якушеву было не впервой сочинять легенды, поэтому он не тушевался и врал убедительно, словно не басни сочинял, а говорил самую что ни на есть правду.

– Ах да, – спохватился Якушев, сунув руку в карман. – Я про деньги забыл... Не буду же я на халяву ехать...

– Брось ты, – отмахнулся старикан и переключил передачу. – Мне своих денег хватает. Лучше вот что, пересядь-ка ты за руль, а то я уже сильно утомился. Раньше бывало без перерыва двадцать часов мог пилить, а теперь годы уже не те, переоценил я свои силы.

Якушев охотно пересел за руль. Его непростая ситуация пока складывалась благоприятно.

«Если вдуматься, то без хороших людей много каши не сварить, – размышлял он, глядя на бесконечный горизонт, убегающий вдаль. – Что бы я делал без этого деда?»

К полуночи они пересекли государственную границу Российской Федерации.

Завернув на заправку, Якушев хлопнул дверцей и вышел из машины, чтобы сделать небольшой перекур, заправиться и купить чего-нибудь съестного в придорожном магазинчике.

Пенсионер, кое-как укутавшись старенькой ветровкой, мирно почивал на переднем сиденье, как часовой на своем посту.

Кроме их авто, на заправке стояли несколько фур, водители которых оживленно болтали около холодильников с пивом.

Жрать хотелось неимоверно, но с деньгами был жуткий напряг. Якушев понимал, что на голодный желудок он долго не протянет, поэтому решил рискнуть.

– Здорово, мужики! – по-свойски поприветствовал дальнобойщиков Якушев и неспешно подошел к холодильникам с прохладным пивком.

– Здорово! – буркнул один из дальнобойщиков в ответ.

– Ты откуда? – подозрительно косясь на Якушева, спросил второй дальнобойщик в грязной фуражке белого цвета, в которой он смахивал на капитана-алкоголика, чей корабль давно пошел ко дну.

– Да неместный я, – ответил Юрий, утерев рукавом под носом, как кондовый деревенский мужик. – Приехал из России.

Услышав слово «Россия» мужики заметно оживились, по всей видимости предполагая, что Якушев окажется каким-нибудь балагуром, с которым можно и по рюмахе раскатать и интересные истории о жизни послушать.

Конечно, Юрию не хотелось расставаться с фирменными швейцарскими часами, но дело того требовало, поэтому, тяжело вздохнув, он снял их с руки и сказал:

– Мужики, мне деньги нужны. По дороге пропился вдрызг, остался без единой копейки. Только заправиться хватит, чтобы до Минска доехать. Денег в долг не прошу, потому что это неправильно. Зато у меня есть хорошие часы.

– На кой нам твои котлы? – хмыкнул до того молчавший третий дальнбойщик, затягиваясь дешевой сигаретой без фильтра.

– Ты подожди, – осек его другой дальнбойщик и бросил недоверчивый взгляд на Якушева: – Настоящие, говоришь? Ну-ка, дай проверю.

Якушев послушно передал ему часы. Мужик стал под фонарем и принялся придирчиво их разглядывать, совсем как в ювелирном магазине.

«Лучше продать часы, чем сидеть без денег», – подумал Якушев, терпеливо ожидая, когда купец по достоинству оценит его товар.

– Они-то швейцарские, – почесал макушку дальнбойщик. – Только вот я не знаю, куда мне их девать. Старые еще идут вроде, а за такую покупку в ущерб семейному бюджету меня жена со света сживет.

– Раз такое дело, – сказал Якушев, выдержав небольшую паузу, – то давайте сыграем в «очко». Если я проиграю, то отдам вам часы за четверть цены. На них в любом случае можно будет еще неплохо наварить...

Якушев еще издали слышал, как мужики обменивались между собой познаниями в сфере карточных игр, и не ошибся в своем предположении: дальнбойщики все как один оказались азартными игроками.

Якушев еще во времена службы в Чечне на досуге поигрывал с сослуживцами в карты. Иногда случались моменты томительного затишья, когда стычек с горцами не было и приходилось как-то себя занимать, чтобы не тяготиться дурными мыслями и не заливать глаза спиртным. Азартные игры в отсутствие женщин лучше всего снимали колоссальное нервное напряжение. За время службы Якушев прослыл азартным и опытным игроком. По его невозмутимому и даже равнодушному выражению лица было невозможно понять, какие на этот раз ему выпали карты. Юрию везло, и он нередко выигрывал крупные суммы. Правда, каждый раз отказывался от этих выигрышей, возвращая сослуживцам их деньги.

«На кой они мне, – рассуждал тогда Юрий. – Мне и своих по горло хватает. А на деньги так играем, для большего азарта. Не на фантики же играть».

Вспомнив игровые навыки и освежив в памяти уловки профессиональных игроков, Якушев взял с места в карьер: за каких-то пятнадцать минут на пластиковом столике лежала целая груда смятых белорусских рублей, представляющих собой в долларовом эквиваленте неплохую сумму.

Мысленно произведя необходимые подсчеты, Якушев сообразил, что этих денег ему может не хватить, поэтому нужно играть дальше, чтобы выиграть хотя бы тысячу долларов, а уже потом уносить ноги от греха подальше. Проигравшийся в пух и прах картежник просто так от тебя не отстанет. Сколько уже было таких случаев, когда трупы победителей находили то в водоеме, то в лесу, и, естественно, никаких денег у этих бедолаг при себе уже не было.

Конечно, он мог бы устроить небольшую потасовку, но кто знает, чем она в результате обернется. Не дай бог, объявят его в международный розыск, и тогда пиши пропало. Придется где-то отсиживаться и шараться в сторону от каждого прохожего.

Выиграв еще пару партий в «очко», Якушев решил заканчивать, опасаясь, что «на радостях» дальнобойщики попытаются его укатать.

– Все, мужики, бывайте, мне пора ехать, – деловито посмотрел он на циферблат своего швейцарского хронографа, затем аккуратно и неторопливо, как солидный банкир, сложил деньги в пачки и обернул их газетной бумагой.

– Ты куда собрался? – мрачно спросил дальнобойщик, который проиграл больше всех остальных.

– Куда собрался, туда и поеду, – сказал, как отрезал, Якушев, боковым зрением отслеживая обстановку. Главное, чтобы не зашли сзади, а с остальным он без проблем справится.

Но дальнобойщики, провожавшие Якушева угрюмым и озлобленным взглядом, не рискнули напасть на него. По всей видимости, его подтянутый вид и пружинистый шаг внушали вполне реальные опасения. Никто не хотел оказаться в больничке с повреждениями различной степени тяжести.

Когда Якушев вернулся в машину, пенсионер сонно спросил:

– Где мы?

– Спокойно, дедуля, – весело ответил Якушев. – В пути-дороге.

И дед снова провалился в сон. Не мешкая, Юрий вставил ключ в замок зажигания и резво тронулся, моргнув на прощание красными отблесками задних фар.

Глубокой ночью, около трех часов, Якушев приехал в Минск.

Дедуля мирно посапывал. Якушеву было жалко его будить, но тем не менее время торопило, поэтому он осторожно тряхнул пенсионера за плечо, стараясь не переборщить, чтобы тот, чего доброго, не развалился.

Когда дедок очнулся, Якушев поблагодарил его за помощь и хотел уже было поделиться деньгами, но пенсионер замахал руками, заявляя, что данное слово никогда не меняет, да и неизвестно, доехал бы он до Минска без Якушева или нет.

– Так тебе куда? – захопотал он, видя, что Юрий собирается выйти из «жигуленка».

– Так, – неопределенно махнул рукой Юрий. – Тут во дворах. Недалеко.

Он завернул в темную арку и оказался во дворе. Услышав, что «жигуленок» с тарактением тронулся в путь, Якушев вышел из двора и отправился на стоянку такси, где переминались с ноги на ногу два добрых молодца.

– Бамбук курим? – насмешливо поинтересовался Якушев. – Где здесь у вас можно остановиться? Чтобы было дешево и сердито.

Таксисты вмиг отозвались, едва не подравшись между собой за клиента. По пути Якушеву был предложен негласный пакет услуг: бутылка водки и проститутка стоимостью начиная от сорока долларов и заканчивая тремя сотнями евро за час.

Юрий вежливо отказался и закурил, задумчиво глядя в окно на пробежавшие мимо фонари. Его клонило в сон, и все мышцы налились чугуновой тяжестью, словно он целые сутки отпахал в тренажерном зале или разгружал вагоны.

Таксист, промчавшись с ветерком по кольцевой, выехал на какой-то проспект с трамвайными путями посередине и, лихо развернувшись, нарушая все мыслимые и немыслимые правила дорожного движения, завернул по направлению к одиноко стоявшей гостинице, на крыше которой горели зеленым светом большие буквы, оставшиеся здесь еще со времен Советского Союза.

Истолковав продолжительное молчание Якушева как недовольство предложенным вариантом, таксист быстро нашелся:

– Ну, если эта хата не нравится, могу подыскать другую или отвезти на съемную квартиру. Кстати, у меня есть хорошая знакомая...

– Не надо никаких знакомых, – ответил Якушев и отсчитал пять купюр. – Меня все устраивает. Удачной дороги.

В лицо пахнул свежий ветер. Юрий по привычке прошелся взглядом по сторонам, чтобы убедиться, что он находится в безопасности.

Никаких шпионов поблизости не крутилось, и Якушев зашел в ярко освещенный холл гостиницы, где достаточно громко для такого позднего часа играла незамысловатая попса.

Якушев поморщился, словно по ошибке вместо коньяка глотнул шампуня. Вот что-то, а попсу он не переносил наглухо. Больше всего его раздражали слащавые мальчишки, которые активно прыгали на сцене и изображали из себя мачо. Нет чтобы спеть какую-нибудь жизненную и лиричную песню, гундят что-то о бабах, неразделенной любви и прочей соплистике, которая не вызывала у Якушева ничего, кроме раздражения.

На рецепции никаких проблем не возникло. Он зарегистрировался, оплатил номер и поднялся пешком по лестнице на четвертый этаж.

«Завтра нужно купить билет на ближайший рейс», – подумал Юрий Якушев, закрыл глаза, повернулся на правый бок и охотно сдался в плен Морфею.

* * *

Алексей Сазонов еле разлепил глаза далеко за полдень. Глухо застонав, как раздраженный невротик, он пошарил рукой, пытаясь нащупать мобильный. Голова, казалось, вот-вот разорвется от похмельной боли.

Сперва он попытался вспомнить, где это он так набрался, но мысли, смешиваясь друг с другом, упрямо не желали выстраиваться в стройные логические цепочки, и Сазонов, как беспомощный мальчишка, путался в отрывочных предположениях относительно того, где провел свой вчерашний вечер. Никаких дельных мыслей в голову не приходило, поэтому он решил, что, в сущности, нет никакой разницы, с кем он и сколько вчера пил. Результат, как говорится, был налицо.

Во рту было сухо, как в Сахаре, и стоял гадливый привкус, словно вместо ужина Алексей лакомялся голубиным пометом.

«С кем же я так нажрался, – подумал Сазонов, силясь отыскать тапочки, которые запропастились где-то под кроватью. – Неужели с этим алкашом-директором? Он кого угодно споит, чертяка. А попробуй с ним не выпей, так сразу обидится. Это для него, понимаешь ли, как личное оскорбление».

Тут у Сазонова молнией промелькнула одна весьма неприятная мыслишка, которую он все-таки заставил остановиться. Память, до того работавшая с перебоями, услужливо подбросила калейдоскоп дат и фактов, красноречиво намекавших на то, что с каждым днем Сазонов все больше и больше становится похожим на стандартного алкоголика, который, окончательно спившись, будет бить себя в грудь кулаком и с рвением доказывать каждому встречному, что он, дескать, уважаемый человек, бывший спецназовец.

Сазонов снова поморщился и глухо застонал, на этот раз от бессилия, поняв, что у него нет никакого желания идти в школу в таком состоянии. Это как же он будет преподавать детишкам? Да они засмеют его, тем более если учесть недавнюю лекцию о вреде алкоголя, которую он старательно и вдумчиво прочитал школярам, ни на секунду не сомневаясь в том, что он не злоупотребляет спиртными напитками, а просто иногда может немножко выпить.

Теперь он с внезапной ясностью осознал, что да, он типичный алкоголик, пускай и выглядит еще прилично и пьет неплохое вино.

Сазонов все-таки заставил себя подняться с кровати, и его тут же резко повело в сторону. Посмотрев в зеркало, он увидел мутные с перепоею глаза, небритый подбородок и опухшее со сна лицо. Собственное отражение не внушило ему никакого оптимизма, и он поспешил умыться.

Когда он выходил из ванной, ему показалось, что дома кто-то есть. Он не придавал этому предчувствию никакого значения, понимая, что повышенная тревожность – неизбежное следствие алкоголизма.

Удалившись на кухню, первым делом он полез в холодильник, чтобы сварганить себе какой-нибудь простенький завтрак.

«Хорошо хоть не тошнит», – с удовлетворением подумал Сазонов, бросив взгляд на бутылку холодненького пива.

Не выдержав напора желания похмелиться и с мечтой о скором облегчении он полез за бутылкой, а когда обернулся в поисках открывалки, застыл как вкопанный и машинально разжал ладонь, так что бутылка брякнулась о плитку и разбилась.

– Твою мать, – растерянно пробормотал Сазонов, мотая головой, словно беспокойный жеребец на привязи.

– Свои, – прозвучал голос старого друга, рослого мужчины с ежиком светлых волос и умным взглядом.

– Сколько лет, сколько зим! – воскликнул Сазонов и бросился навстречу, умолчав о том, что сперва он подумал о белой горячке и о галлюцинациях, которые появляются вследствие регулярного злоупотребления спиртными напитками.

Гость распахнул свои широкие объятия и, может быть, минуту активно похлопывал Сазонова по спине.

– Вот сучара! Живой ведь! – радостно вскрикивал Сазонов, шмыгая носом.

– Живой, живой, – соглашался гость.

Наверно, другой человек от похлопываний такой силы получил бы немало болезненных ощущений, но тут встретились бывшие спецназовцы, для которых подобные ритуалы были не больше комариного укуса.

– А помнишь... – начал Сазонов.

– Подожди. Пиво надо вытереть. Все жильё провоняется. Хотя у тебя и так тут еще тот запашок стоит.

Сазонов, почесав затылок, принялся хлопать дверцами шкафчиков, ища половую тряпку, которой, судя по всему, у него просто-напросто не было.

– Я смотрю, ты живешь как настоящий холостяк, – добродушно ухмыльнулся гость, обводя взглядом простенькую кухню.

– Есть такое, – не стал возражать Сазонов и извлек из шкафчика старое, подранное полотенце, которое не годилось даже на половик.

Не мешкая, он принялся вытирать пивную лужу и выжимать мокрую тряпку в раковину.

Гость, наблюдая за этими манипуляциями, удобно устроился на табурете, забросив ногу на ногу и прислонившись к стене.

– Ты какими судьбами здесь? – поинтересовался Сазонов, покончив с пивной лужей и отправив полотенце в мусорное ведро, где ему было самое место.

– В гости к тебе приехал, Леша. Дай, думаю, наведаюсь, посмотрю, как ты тут поживаешь. Я уже думал, что ты обзавелся семьей...

– Какой семьей! – скривился Сазонов. – С моей зарплатой и должностью далеко не уедешь. Живу от получки до получки.

– Зато свежий воздух, природа, здоровая еда. Знаешь, как сейчас в Москве? Ни проехать ни пройти. Всюду пробки, отвратительная экология, озлобленные люди...

– Да я там сто лет уже не был! Как-то сразу решил тут осесть.

– Не жалеешь? – пытливо спросил Якушев, выстукивая пальцами барабанную дробь по столу.

– Чего жалеть-то, – пожал плечами Сазонов. – Могло быть и хуже. Тут хоть работу какую-то дали. Детишек в школе учу.

– Вот те на! – Юрий аж привстал от удивления. – Никогда бы не подумал, что бывший спецназовец ГРУ может стать учителем!

– А чему ты удивляешься? В жизни все бывает. Ты лучше расскажи мне, чего приперся в эту глушь. И только прошу тебя, не сочини сказок вроде тех, что ты, мол, устал от Москвы, тебя накрыла депрессия и поэтому ты решил подышать свежим воздухом, порыбачить, поохотиться и отдохнуть.

– Да разве было такое, чтобы я тебе хоть раз соврал? – возмутился Юрий.

– Не припомню, – отвел взгляд в сторону Сазонов.

– Лучше на стол накрой. Я с дороги не жравши. Добирался на перекладных черт знает как. Из Минска пришлось лететь.

– Что это у тебя все шиворот-навыворот? – удивился Сазонов, открыв старенький холодильник, в котором, как обычно, мышь повесилась.

– Не я такой, а жизнь такая, – скупно процедил Якушев.

– Давай обо всем по порядку. Ты во что-нибудь вляпался? – спросил Сазонов со всей учительской строгостью, на какую только был способен.

– Ну, если быть предельно откровенным, то да, – признался Юрий и посмотрел на своего приятеля, с которым еще во времена военной службы не раз схлестывался в философском споре насчет бытия и всего сущего. – У меня возникли небольшие проблемы, и крайне нежелательно, чтобы сейчас и в ближайшем будущем я находился в Москве.

– Опять кого-то кокнул? – предположил Сазонов, закрыв холодильник и лихорадочно соображая, чем бы накормить нежданного, но тем не менее дорогого гостя.

Когда-то Якушев спас ему жизнь, зарезав бородатого боевика, который уже собирался проткнуть Сазонова штыком.

– Да не то чтобы кокнул, – устало вздохнул Юрий и на мгновение закрыл глаза. – Дело в том, что не я эту кашу заваривал. Все началось банально. С подъездного хулиганья, потом мне пришлось поучить жизни киллера, который хотел слинять. Все было сляпано настолько непрофессионально, что диву даешься: неужели заказчик такой идиот?

– Может, у него денег не было, зато злобы выше крыши? – предположил Сазонов, окончательно убедившись в том, что съестных припасов в доме не наблюдается, следовательно, придется переться в магазин, а денег осталось негусто, на пару лавашей и бутылочку дешевого пива.

– Хрен его знает! – махнул рукой Якушев. – На всякий случай я решил перестраховаться. Вначале поехал на дачу, отсиделся там немного, потом поймал попутку и доехал до Минска. В эту вашу Грузию хрен доберешься, после того как она вышла из СНГ.

– А водителя небось прибил и ограбил? – укоризненно покачал головой Сазонов, пододвигая себе табуретку.

– Обижаешь. Там был мирный дедуля. Доехал без приключений.

– Надеюсь, за собой орду киллеров не приволок? – проворчал Сазонов. – Мне, знаешь ли, жить еще хочется. Пивка попить, винца...

– Я уже вижу, как ты живешь, – заметил Юрий. – В квартире не продохнуть. Окна открыты настежь. Называется, залазь и бери все, что хочешь. А хозяин бухой в дупель спит на кровати. Чему же ты там детишек учишь? Распитию спиртных напитков? Тебе хоть кто-нибудь говорил, что по статистике сорок восемь процентов всех преступлений совершается именно в нетрезвом виде?

– Я смотрю, как был ты философом, так таковым и остался. Сам что, трезвенник-язвенник? Как с работой у тебя? Чем занимался последнее время?

– Да так... не фонтан. На гражданке моя квалификация нынче не в почете. А быть охранником в банке или супермаркете я не хочу.

– Да зачем охранником, – ухмыльнулся Сазонов. – Можно подрабатывать киллером. Вон сколько развелось вокруг гадов, которые простых людей донимают. Выполнил заказ – заработал штук десять как минимум и залег на дно.

– Ага... а потом наверх всплыл трупом, – скептически отозвался Якушев о перспективах заманчивой с финансовой точки зрения деятельности. – Сколько таких уже было... Слишком высокие риски. Да и хватит мне этих разборок. Достало, честное слово! Хотел мирно и спокойно пожить, а вот на тебе! Не ты нападаешь, а на тебя рогом прут!

– Лучшая защита – это нападение. Не зря так говорят.

– Мне по горло хватило этого в Чечне. До сих пор иногда кошмары снятся. Да и время сейчас другое. Другие законы и жизнь. Нужно заниматься чем-то легальным и полезным обществу, а не грязным мочиловом.

– Попробуй устройся, – зло огрызнулся Сазонов, которого Якушев, сам о том не догадываясь, ненароком задел за больную мозоль. – Я вон торчу который год учителем в школе. Директор – отморозок полный. Служил бы он со мной в части, я бы показал ему, где раки зимуют. А так у него полнейший беспредел.

– Ну так жхни ему пару раз по таблешнику, – посоветовал Якушев.

– Это ты в кабаке жхнешь, а тут все по-другому. Чуть что не так – и завтра я безработный. Тут даже пастухом хрен устроишься. Да и к своей работе я уже привык. Что ни говори, делаешь что-то полезное для людей. Вон, детей воспитываю.

– Вид у тебя в самый раз воспитательный. Хоть на Доску почета вешай.

Сазонов хмыкнул и замолчал. Установилась продолжительная пауза, которая возникала в их беседах и раньше, когда они еще были сослуживцами.

– Блин! – неожиданно спохватился Сазонов, хлопнув себя ладонью по лбу. – Ты приехал, а я тебя даже не накормил, не показал, где шмотки разложить...

– Правильный ход мыслей, – одобрительно улыбнулся Якушев. – Если, конечно, ты живешь с бабой, то я могу...

– Брось ты! Какие бабы! Тем более кореш боевой приехал. Давай я тебе все покажу и в магаз сбегая... Только вот... – на этих словах Сазонов замялся, как девушка, которой сделали непристойное предложение.

– Деньги? – бровь Якушева понимающе поползла вверх.

– До полочки, как всегда, немного недотягиваю, – виновато признался Сазонов.

– Не беда. Деньги у меня есть. Держи, – Якушев достал из кармана несколько столетовых банкнот. – Какие у вас тут цены, я не знаю. Возьми и купи какого-нибудь хорошего вина и лаваша. Я немного выпью, а ты заодно похмелишься. Или у тебя уроки сейчас?

– Какие уроки в таком состоянии? Возьму больничный завтра. А ты прямо фокусник, нигде не работаешь, а такие деньги с собой таскаешь, – уважительно сказал Сазонов, пряча купюры в карман спортивных штанов.

– Не смеши меня, Леха! Повезло просто по дороге нарваться на мужиков...

– Так ты все-таки размотал кого-то? – оживился Сазонов, узнавая в своем друге прежнего Якушева, который не пропадет ни при каких обстоятельствах.

– Да не разматывал я никого. Сыграл в карты на свой швейцарский хронограф и сорвал весь банк.

– Вот гад! – восхищенно ответил Сазонов. – Я тоже в карты играю с соседями, только мне не везет. Почти всегда проигрываю.

– Азартные игры – это зло! – весело осклабился Якушев и назидательно помахал пальцем. – Поэтому и до полочки не хватает. Ну, не везет в картах, значит, должно повезти в любви.

– Ну тебя к черту! – махнул рукой Сазонов и зашагал к выходу из дома.

На ходу он натянул на себя старенькую ветровку и направился в ближайший продуктовый магазин, который он за скудный выбор продуктов и постоянное хамство продавцов называл шарагой.

«Ну, порадую его! Такой шашлык забабахая, что Юрка пальчики оближет!» – подумал Сазонов.

Конечно, вчерашняя выпивка давала о себе знать, и чувствовал он себя мерзко. В другой день он бы с удовольствием остался дома и валялся бы на кровати, глядя по телевизору футбольный матч, но теперь, когда приехал старый друг, с которым они не виделись сто лет, он не хотел расклеиваться, как баба, и больше всего хотел показать с себя с наилучшей стороны. Мол, жизнь его и поцарапала, и попинала, и побросала, а он остался прежним, мужественным и крепким, настоящим мужиком, на которого всегда можно положиться.

Зайдя в людный и шумный магазин, Сазонов встревоженным взглядом забегал по стономам и метнулся к обменному пункту, который, словно вражескую крепость, осаждала приличная очередь.

«Как обычно, – зло выматерился про себя Алексей. – Как не надо, так пусто, а как приехал друг и надо срочно решить мелкие бытовые вопросы, так тут сразу наметилось целое столпотворение. Буду стоять до последнего, но поменяю все баксы».

– Поменяю по хорошему курсу, – откуда-то сбоку нарисовался мужик в кепке, натянутой чуть ли не по самые глаза.

Сазонов бросил на менялу скептический взгляд.

– Нет, – сухо ответил он, зная, что почти все эти менялы – типичные мошенники и все спорные вопросы решаются с ними в кулачных боях, если, конечно, вовремя сообразишь и хватит сил начистить обманщику морду.

– Зря, очень зря, – сокрушенно покачал головой валютчик.

Сазонов посмотрел на него с недобрый прищуром, и тот быстро ретировался, словно его здесь и не было.

Сазонову было непривычно иметь такие деньги, а также было стыдно признаться Якушеву, что он загнил на гражданке в этой школе и влачит какое-то мутное и бесцельное существование, обильно залитое хорошим грузинским вином.

Моменты забывтья происходили все чаще и чаще, так что впору было задуматься о своей жизни. С каким удовольствием Сазонов прописал бы пару хуков и апперкотов своему директору, но камнем преткновения для всех его дерзких затей и плана отмщения были небольшие деньги, которые удерживали его в школе, как собаку на привязи. Порой он напоминал себе беспомощную марионетку, которую кто-то сверху дергает за ниточки, и он делает не то, что хочет, а то, что положено.

Поменяв деньги, Сазонов с удовлетворением пересчитал свеженькие купюры и сунул их в карман, после чего, «вооружившись» продуктовой корзинкой, совершил налет на торговые ряды.

Похвастаться разными кулинарными навыками Сазонов не мог, поэтому предпочитал питаться по-простому, брезгуя разного рода ресторанными изысками, да и денег на подобные увеселения у него никогда не было.

Заполнив корзинку разнообразной зеленью, свежими лавашами и отличнейшим куском свежего мяса, Алексей надолго застрял в винно-водочном отделе, где глаза разбегались от выбора. За время жизни в Грузии он успел изучить разные сорта вин, но сейчас хотел удивить давнего приятеля каким-нибудь изысканным вкусовым букетом, поэтому ошивался у полок добрых полчаса, вызвав своим странным поведением небезосновательные опасения у охранника, который цепким взглядом контролировал каждое движение его рук. Наконец он выбрал парочку бутылок красного сухого, затем, весело посвистывая, прошел к кассам и с гордым

видом, словно не зная, сколько у него с собой денег, переколошматил всю пачку купюр перед равнодушной кассиршей.

По дороге домой Сазонов позволил себе выкурить парочку крепких сигарет. С этой привычкой он безуспешно боролся еще со времен службы в спецназе. Сколько раз он обещал себе завязать, вроде какое-то время держался, а потом, когда начинались нервные встряски, рука автоматически тянулась в нагрудный карман рубашки, где обычно лежали сигареты.

Вроде бы причин для невроза сейчас не было, тем не менее Сазонов по привычке вставил в уголок рта сигарету, чиркнул спичкой и закурил. Курить на ходу было неудобно, поэтому он сел у дерева, расслабился и вытянул перед собой ноги, наслаждаясь пением птиц. Его спокойствие было нарушено достаточно быстро.

Мимо, по проселочной дороге, на бешеной скорости пронесся белый джип, доверху грязный, словно принимал участие в гонках по пересеченной местности.

«Какому придурку нужно лететь на такой скорости? – подумал он, тщательно притушив окурок о ствол дерева. – Здесь же раз плюнуть разбиться».

У Сазонова мелькнуло подозрение, что так лихачить могут только залетные соколы, но он отогнал эту мысль, подумав о том, что на фоне такой подозрительности у него скоро разовьется паранойя с тяжелыми последствиями. В конечном итоге какая ему разница, кто и как ездит. Он обычный учитель, который не должен забивать себе голову всякой чепухой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.